

IV

Анализ содержания Договора СНВ-2

1. Военно-политические аспекты договора СНВ-2

□ Нужны ли России ядерные силы в настоящее время и в будущем?

В ответе на этот вопрос существует общенациональный консенсус. И военные специалисты, и политологи, и государственные деятели — независимо от их партийно-политической ориентации или их отношения к Договору СНВ-2 и в целом к процессу ограничения ядерных вооружений — единодушно утверждают: России необходимы ядерные силы — и в настоящее время, и в обозримом будущем.

России необходимы ядерные силы и в настоящее время, и в обозримом будущем.

Основной мотив указанного ответа состоит в том, что в переживаемый в настоящее время Россией сложный период развития значение ядерного оружия в обеспечении ее безопасности не только не снижается, но наоборот — возрастает.

Считается, — и с этим нельзя не согласиться, — что **реальные возможности России обеспечить свою безопасность с помощью других средств вооруженной борьбы после распада СССР резко сократились**. Снизилась боеспособность обычных вооруженных сил России. От прежней оборонительной структуры страны отошли шесть наиболее крупных военных округов (БВО, КВО, ПрикВО, ОдВО, ПрибВО, ЗакВО), где ранее были сосредоточены наиболее боеспособные части и соединения, новейшая военная техника, крупные арсеналы вооружений, аэродромы, пункты управления и другие важные элементы инфраструктуры. В тяжелом положении оказался российский военно-морской флот. Утрачена большая часть его судоремонтной и судостроительной базы, важные пункты базирования. Ослаблены военно-воздушные силы. Нарушено единое поле системы ПВО страны. На многих участках Россия не имеет защищенных, а по большей части и официально установленных внешних границ. Во мно-

гих приграничных районах сохраняется напряженная обстановка. Глубокий кризис переживает оборонный промышленный комплекс, что сдерживает появление новых перспективных средств вооруженной борьбы. **Все это существенно ослабляет возможности российских Вооруженных Сил по ведению современной войны.**

К этому добавляются также и такие факторы как потеря Россией союзников в Центральной и Восточной Европе, планы расширения НАТО на восток с приближением границы потенциального военного противостояния между Западом и Востоком вплотную к российским рубежам, все более проявляющаяся тенденция к приобретению рядом приграничных с Россией стран ракетных и ядерных технологий, других видов оружия массового поражения.

Наличие в этих условиях у России ядерных вооружений гарантирует ей предотвращение ядерного нападения или крупномасштабной агрессии с применением обычных вооруженных сил и вооружений против нее или ее союзников. При этом речь идет не только о стратегических ядерных силах, но и о тактических ядерных средствах «сдерживания».

Существует также мотив и более широкого политического плана: сохранение Россией статуса великой державы в нынешних условиях не может быть обеспечено без сохранения ею ядерного статуса. При этом Россия уверенно, с опережением выполняет требования Договора СНВ-1 по сокращению вооружений. К началу 1998 г. в боевом составе СЯС оставалось: около 750 МБР (3600 боеголовок), 26 ПЛАРБ (1528 боеголовок), около 75 ТБ (до 800 боеголовок), всего около 5930 единиц. Это при условии, что к 2002 г. у России должно быть на СНВ не более 6000 ядерных боезарядов.

Россия не в состоянии поддерживать свою «великодержавность» за счет экономики, как этого добились некоторые безъядерные державы.

Россия в настоящее время не в состоянии поддерживать свою «великодержавность» за счет мощной экономики, как этого добились, например, безъядерные Япония и ФРГ.

Все это, разумеется, не означает невозможности активного участия России в дальнейшем процессе сокращения ядерных вооружений. Однако степень и масштабы такого участия, безусловно, должны соотноситься со стержневым положением политики национальной безопасности страны — сохранением Россией статуса ядерной державы.

□ *Каково место Договора СНВ-2 в контексте усилий, предпринимаемых Россией в отношении ее обязательств как ядерной державы?*

Появление ядерного оружия (впервые — у США в 1945 г.) сразу же вызвало к жизни широкое политическое противодействие со стороны международной общественности. Центральную роль в этом противодействии приняла на себя Организация Объединенных Наций, действуя под лозунгом обеспечения всеобщего признания исключительно мирного использования ядерной энергии при гарантии того, что ядерное оружие никогда не будет применено.

На протяжении всего «ядерного» пятидесятилетия — как до приобретения ядерного статуса (в 1949 г.), так и после этого — Россия (СССР) остается одним из активнейших участников всех ооновских акций. Хорошо известны такие шаги СССР, как предложение о запрете производства ядерного оружия и использования атомной энергии в военных целях (декабрь 1946 г.), предложение о подготовке конвенции о запрете атомного оружия (октябрь 1948 г.), предложение об основных положениях международной конвенции о запрете атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения (июнь 1954 г.), содействие «плану Рапацкого» (октябрь 1957 г.) о безатомной зоне в центре Европы, активное участие в подготовке Договора о запрете испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (август 1963 г.) и многие другие.

Наиболее важное достижение ООН на этом направлении — **Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), по которому государства-участники, не обладающие ядерным оружием согласились не разрабатывать и не получать ядерное оружие, а ядерные державы — продолжать ядерное разоружение (вступил в силу в 1970 г.).**

В плане поставленного вопроса важное значение имеет статья VI ДНЯО, согласно которой государства-участники, обладающие ядерным

оружием, соглашаются *«добросовестно продолжать переговоры об эффективных мерах скорейшего прекращения гонки ядерных вооружений и ядерного разоружения».* Преамбула Договора также накладывает на ядерные державы ясные обязательства в этой области, указывая, что они *«заявляют о своем намерении в возможно кратчайшие сроки прекратить гонку ядерных вооружений и принять эффективные меры в направлении ядерного разоружения».*

Инициаторами в выполнении положений статьи VI ДНЯО выступили СССР и США, которые в 70-е гг. заключили ряд договоров об ограничении стратегических вооружений (Временное соглашение о некоторых мерах по ограничению СНВ, Договор по ПРО, ОСВ-2). Главный их смысл состоял в том, что они определили некоторые «потолки» в гонке ядерных вооружений. Более конкретные и реальные результаты в области ядерного разоружения между Россией (СССР) и США достигнуты в 80-х и 90-х гг., когда были выработаны договоренности о ликвидации наземных ракет средней и меньшей дальности (Договор о РСМД, 1987 г.), о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-1, 1991 г.), о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-2, 1993 г.). Под эгидой ООН была завершена разработка Договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний, который был открыт для подписания в 1996 г.

В то же время серии ядерных испытаний, проведенных в мае 1998 г. Индией и Пакистаном, продемонстрировали, что несмотря на эти основополагающие международные соглашения, процесс распространения ядерного оружия продолжается. Нет уверенности в том, что в случае обострения ситуации в том или ином регионе не появятся новые обладатели ядерного статуса.

Договор СНВ-2 — не касаясь пока его конкретных положений — следует рассматривать как закономерный и объективно оправданный этап в цепи действий России на пути снижения ядерной угрозы в мире. Он полностью соответствует обязательствам ядерных держав по Договору о нераспространении ядерного оружия, которые были торжественно подтверждены Россией в мае 1995 г. на конференции ООН по продлению срока дей-

Договор СНВ-2 в целом, если не принимать во внимание его слабых сторон, — это вполне оправданный шаг в действиях России по снижению ядерной опасности в мире.

ствия этого Договора. **Политика ядерных держав в деле ограничения ядерных вооружений сейчас выступает в качестве мерила их отношения к судьбам мира в целом и, следовательно, инструмента доверия в отношениях с большинством стран мирового сообщества.** Россия не может остаться в стороне от этого магистрального направления мировой политики. И Договор СНВ-2 — это далеко не последний акт в ее действиях по снижению ядерной опасности.

□ *Как соотносится Договор СНВ-2 с другими направлениями Российско-Американского взаимодействия в ядерной области?*

Рассмотрение вопроса о ратификации Договора СНВ-2 не может вестись без учета других направлений российско-американского взаимодействия в ядерной области. Наиболее важные из них следующие.

Договоренность о снятии полетных заданий со стратегических ракет. Договоренность достигнута на президентском уровне. Обе стороны декларируют ее выполнение, проверка которого, однако, практически невозможна и имеет больше чисто политическое значение.

Программа Нанна — Лугара. Принята американским Конгрессом в декабре 1991 г. как односторонний шаг США. Официально именуемая как «Совместное уменьшение угрозы» программа Нанна — Лугара предусматривает ежегодное, начиная с 1992 г., выделение финансовых средств (до 400 млн. долл. в год) в помощь России и другим бывшим республикам СССР в трех областях:

- уничтожение ядерного, химического и иного оружия;
- транспортировка, хранение, демонтаж и обеспечение безопасности вооружений, подлежащих уничтожению;
- создание поддающихся проверке гарантий против распространения подобных вооружений.

Выделение средств оговорено рядом условий: **преемники СССР не должны осуществлять программ военной модернизации, превышающих законные потребности обороны; не должны использовать расщепляющиеся материалы из демонтируемых вооружений для создания нового оружия; должны способствовать проверке Соединенными Штатами процесса уничтожения вооружений; соблюдать все соответствующие соглашения по контролю над вооружениями; осуществлять значительные вложения собственных ресурсов в демонтаж и уничтожение вооружений; соблюдать международно признаваемые права человека.** Оговорено также, что вся финансовая

помощь оказывается только через американские фирмы. Программа рассчитана на период до 2001 г.

Сотрудничество Минобороны США с Минобороны России. Семь соглашений между министерством обороны США и Минобороны России (заключены в 1992—1993 гг.) и два соглашения между министерствами обороны США и России (заключены в 1995 г.) представляют собой юридическое подкрепление программы Нанна—Лугара. Этими соглашениями оговариваются конкретные мероприятия по линии указанных ведомств, предусматривающие поставки в Россию контейнеров для перевозки ядерных боеприпасов, защитных покрытий, компьютерных средств для систем безопасности гражданских и военных объектов, оборудования для преодоления аварийных ситуаций. Предусматривается также сооружение в России (на ПО «Маяк») с помощью США хранилища оружейных ядерных материалов, полученных в результате демонтажа ядерного оружия.

Сотрудничество по линии межправительственной комиссии Гор—Черномырдин. В 1992—1998 гг. проведено восемь заседаний Комиссии с рассмотрением ряда важных вопросов российско-американского взаимодействия в ядерной области.

В июне 1994 г. Комиссия подготовила Соглашение об остановке реакторов по производству плутония и прекращении использования вновь производимого плутония для ядерного оружия. По этому соглашению, начиная с октября 1994 г. вновь нарабатываемый на оставшихся в работе трех ядерных реакторов (до 2000 г.) России не будет использован в военных целях.

Отмечается достаточно высокая степень практического выполнения межправительственных соглашений по вопросам ядерного разоружения.

В феврале 1995 г. вступило в силу согласованное в Комиссии Соглашение по обмену технической информацией в области сохранности и безопасности ядерных боеприпасов. Согласован порядок обмена информацией по таким направлениям, как технология повышения безопасности ядерных боеприпасов и материалов при демонтаже боеприпасов; выработка подходов к публикации в открытой печати информации, касающейся конструкции ядерных боеприпасов и др. В рамках этой проблемы обсуждается вопрос об обмене на регулярной основе детальной информацией о совокупных запасах ядерных боеголовок.

В июне 1995 г. стороны в Комиссии подписали **Совместное заявление об учете, контроле и физической защите ядерных материалов**, по которому они согласились включить в программу совместных работ 5 объектов Минатома России: в Электростали, Димитровграде, Обнинске, Подольске и Озерске. В последующем осуществлялось расширение сотрудничества путем включения в программу еще нескольких российских объектов.

В июне 1995 г. стороны в Комиссии подписали также **Соглашение о закупке США высокообогащенного урана и мерах транспарентности**. По этому соглашению Россия должна поставлять (продавать) в США низкообогащенный уран (НОУ), получаемый из высокообогащенного урана (ВОУ), образующегося в результате демонтажа российского ядерного оружия. Заключен соответствующий контракт. Поставки уже начаты. Однако в последнее время американская сторона выдвинула дополнительные условия, приводящие к снижению оплаты поставок урана, что поставило под угрозу выполнение контракта, первоначальная стоимость которого была определена в 12 млрд. долларов. Имеется **договоренность о строительстве в России специального предприятия по переработке ВОУ в НОУ** при финансовой помощи США, но его создание пока затягивается (американскими фирмами). Что касается мер транспарентности, то в рамках обязательств по соглашению в 1995—1996 гг. было организовано посещение американскими экспертами ряда объектов в России (Томск-7, Свердловск-44 и др.). В рамках мер транспарентности обсуждается вопрос о взаимном мониторинге находящихся в хранилищах расщепляющихся материалах, извлеченных из ядерных боеголовок.

Обсуждение проблем разграничения стратегической и тактической ПРО в Постоянной консультативной комиссии. Инициатива этого обсуждения принадлежит США. Определены разграничения на основе установления ограничений на параметры ракеты мишени и ракеты-перехватчика и комплекса мер доверия.

Сохраняется потенциальная опасность обхода США Договора по ПРО 1972 г.

Завершена работа и открыт для подписания Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Наряду с общими позитивными последствиями полное запрещение любых ядерных испытаний («нулевой порог») может поставить в разные условия его участников из числа ядерных держав — в части их возможностей по проведе-

нию проверки уже имеющихся ядерных арсеналов на безопасность, надежность и эффективность. Ядерные участники Договора, не владеющие альтернативными методами проверки ядерных боеприпасов, в условиях запрета всех видов натуральных ядерных взрывов могут оказаться в ситуации, когда их ядерные арсеналы будут постепенно обесцениваться.

Перечисленные направления российско-американского взаимодействия в ядерной области, осуществляемые одновременно и параллельно с решением самой проблемы ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений, несомненно оказывают влияние на выполнение Договоров СНВ-1 и СНВ-2 и не могут не учитываться при их рассмотрении.

□ *В чем смысл той поспешности, с которой был заключен договор СНВ-2?*

Действительно, Договор СНВ-2, в противоположность предшествующим договорам в этой области, был выработан в довольно короткий срок — в течение одного года. Этому способствовало то, что во многом он опирается на основные положения Договора СНВ-1, на выработку которого был потрачено несколько лет. Есть и политические обстоятельства, повлиявшие на скорость согласования положений Договора СНВ-2. Стороны спешили завершить эту работу еще при президентстве Дж. Буша, т.е. подписать его с той администрацией США, которая его разрабатывала. Аргументом к спешке служил и тот факт, что в то время уже избранный президент Б.Клинтон полностью поддержал этот Договор. По мнению бывшего министра иностранных дел РФ А.Козырева, отказ от подписания Договора нанес бы ущерб нашей способности без задержек перейти к партнерству с новой администрацией США.

Вместе с тем анализ положений Договора свидетельствует о том, что «политические соображения» привели к ряду невыгодных для России требований. Российская сторона под нажимом высшего военно-политического руководства страны пошла на подписание явно неравноправного соглашения. При этом расчет делался на то, что наметившийся прогресс в отношениях России и США приведет в скором времени к установлению подлинно партнерских отношений в политической и экономической областях. Поэтому руководство России рассчитывало за счет некоторых уступок в военно-стратегической сфере приобрести политические дивиденды. Однако такая недалновидная уступчивость привела к тому, что США стремятся все меньше учитывать коренные геополитические и геостратегические интересы России, что они и демонстрируют на практике в последние годы.

□ *В чем состоят основные недостатки Договора СНВ-2?*

Исторический экскурс в прошлое показывает, что ни одно из предшествующих соглашений в области ограничения и сокращения стратегических вооружений не подвергалось столь суровой критике, как СНВ-2.

Поспешность, с которой велись переговоры и многочисленные недостатки Договора показали, что в России отсутствует отлаженный механизм принятия важнейших военно-политических решений, подобно тому, который существовал в бытность СССР.

Основные критические замечания в адрес СНВ-2 сводятся к следующему.

1. Выполнение СНВ-2 требует от России коренных изменений в структуре своих стратегических ядерных сил (СЯС). Как известно, в силу особенностей своего геостратегического положения СССР традиционно придавал особое значение МБР наземного базирования. На них размещалось около 65% боеголовок СЯС, до 25% — на БРПЛ и до 10% — на ТБ. Такая структура определялась особенностями географического положения и ориентацией на ответно-встречный удар, который в годы холодной войны считался основной формой боевых действий РВСН. После окончания холодной войны вероятность нанесения первого удара по России значительно снизилась и основой боевых действий российских СЯС становится ответный удар. Ориентация на ответный удар усугубляется еще и тем, что после распада СССР произошла деградация системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН): из 9 РЛС дальнего обнаружения 6 оказались за пределами России, резко ослаблена группировка космических разведывательных спутников. В этих условиях на первый план выходит обеспечение живучести СНВ.

Еще на переговорах об СНВ-1 американская сторона выдвинула тезис о дестабилизирующем характере многозарядных МБР. Однако дестабилизирующие свойства этих МБР не носят абсолютного характера. В условиях нормальных отношений в военно-стратегической сфере они наоборот выполняют стабилизирующую роль, предотвращая сползание сторон к военной конфронтации. Согласие российской стороны с этим тезисом явилось крупной методологической ошибкой, на которой строилась база СНВ-2.

2. Договор СНВ-2 полностью запрещает тяжелые ракеты СС-18, которые являются наиболее грозным оружием в арсенале России. Ракета обладает высокой точностью наведения боеголовок на цель, несет на себе 10 боеголовок полумегатонного класса и разнообразный комплект средств преодоления ПРО. Существенным фак-

тором является то, что они производились на Украине и по мере выхода их из строя в результате физического устаревания и окончания гарантийных сроков заменять их будет нечем. Только 58 ракет СС-18 последней модификации могут находиться в боевом составе примерно до 2006 г.

3. СНВ-2 предусматривает полный запрет на твердотопливные ракеты СС-24 железнодорожного базирования (36 ракет с 10 боеголовками каждая). Российская сторона неоправданно, без компенсации дала согласие на ликвидацию этих весьма совершенных ракет, обладающих повышенной живучестью. В этом отношении они подобны многозарядным БРПЛ, на которые такие запреты не распространяются.

4. Частичная «разгрузка» МБР и БРПЛ, предусмотренная Договором СНВ-2, более выгодна для США. В отличие от СНВ-1, СНВ-2 не требует переделки платформ, на которых крепятся боеголовки, а также не предусматривается демонтаж боезарядов и уничтожение корпусов боеголовок. Это создает возможность создания значительного по своим размерам «возвратного потенциала», который в сравнительно короткие сроки может быть возвращен на МБР и БРПЛ. В этом отношении Россия и США находятся далеко в неравном положении. США могут вернуть на носители 1000 боеголовок «Минитмен-3» и 1728 боеголовок «Трайидент-2» (всего 2728 единиц), Россия — 525 боеголовок ракет СС-19 (соотношение 5:1).

5. При ведении переговоров в формате СНВ-2 не было сделано прямой увязки его выполнения с нерушимостью Договора по ПРО 1972 г. Хорошо известно, что стратегические наступательные и оборонительные вооружения образуют единую систему стратегического оружия. Усиление любого компонента этой системы переводят ее на более высокий качественный уровень. При этом эффективность ПРО возрастает по мере сокращения СНВ, которые должны будут ее преодолевать. Все это создает побудительные мотивы для США в ходе или после выполнения СНВ-2 выйти из Договора по ПРО, обеспечив себе стратегическое превосходство.

6. СНВ-2 предусматривает возможность переориентации 100 ТБ из ядерных в неядерные и «при необходимости» — обратно в ядерные. Этим правилом могут воспользоваться только США, поскольку у них количество ТБ заведомо гораздо больше 100 единиц. Россия воспользоваться этим правилом не сможет, так как ее авиационный компонент имеет в своем составе всего 75 самолетов.

7. В СНВ-2 отсутствует запрет или хотя бы ограничения на крылатые ракеты морского базирования (КРМБ) большой дальности, в которых

США имеют большое преимущество перед Россией. При этом следует учитывать, что в соответствии с СНВ-1 продолжает действовать обязательство сторон не превышать количество развернутых КРМБ лимитом в 880 единиц с ежегодным уведомлением на пять лет вперед о планах развертывания таких ракет.

□ *Как повлияет Договор СНВ-2 на состояние взаимоотношений между Россией и США?*

Российско (советско)-американские отношения в течение всего послевоенного пятидесятилетия во многом определялись наличием ядерных вооружений.

В 50—60-е гг. во взаимоотношениях с СССР Соединенные Штаты, считая его основным вероятным противником, делали ставку на технологическое превосходство в ядерной области. По принятой в эти годы концепции «сдерживания» («устрашения») считалось необходимым иметь такой стратегический потенциал, при котором в самой неблагоприятной ситуации (нанесение противником первого массированного ядерного удара) США сохраняли бы способность к его «гарантированному уничтожению», т.е. к нанесению противнику «неприемлемого ущерба» (поражение 20—25% населения и 50—60% промышленно-экономического потенциала страны). В соответствии с этим подходом формировались требования к стратегическим силам США, определялись их количественные уровни и качественные характеристики (виды и типы средств, их поражающие способности, надежность, защищенность и т.д.). Отрабатывались многовариантные способы боевого применения стратегических сил. Изыскивались пути повышения эффективности их применения за счет дополнения стратегическими оборонительными системами (ПРО, ПЛО и др.).

По существу теми же путями развивались и стратегические силы СССР, что привело в конце 60-х годов. к созданию в советско-американских отношениях ситуации «взаимного гарантированного уничтожения», или стратегического паритета. Ни одной из сторон не удалось его нарушить. Попытки качественных усовершенствований вооружений — увеличение мощности ядерных зарядов, точности их доставки к целям, повышение защищенности шахтных пусковых установок, принятие на вооружение ракет с разделяющимися головными частями, развертывание мобильных пусковых установок, повышение скрытности (снижение шумности) ракетных подводных лодок и т.д. — давали лишь временные преимущества, которые вскоре преодолевались другой стороной.

Осознание бесперспективности подобного соревнования постепенно привело обе стороны к

переговорам об ограничении и сокращении ядерных вооружений.

В 70—80-е гг., в период активных переговоров об ограничении стратегических вооружений, появилась возможность «взаимного влияния» сторон на стратегические программы друг друга. Эта возможность кроется в том обстоятельстве, что стратегические силы сторон, несмотря на их паритетность, асимметричны — у каждой из сторон имеются свои технические приоритеты. Так, в США до 55% стратегических ядерных зарядов размещались на ракетных подводных лодках, в то время как СССР традиционно — в силу своего географического положения — отдавал предпочтение наземным МБР; российские (как и бывшие советские) стратегические силы имеют в своем составе значительную долю мобильных пусковых установок МБР, чего нет в США.

В ходе переговоров по стратегическим вооружениям США стремились преодолеть нежелательные для них тенденции развития советских стратегических вооружений. Им удалось добиться определенных результатов: достигнута договоренность о ликвидации российских тяжелых ракет с разделяющимися головными частями, введены существенные договорные ограничения на группировку российских мобильных МБР.

Нынешний этап стратегических взаимоотношений США с Россией — 90-е годы — условно можно обозначить как период более активного воздействия сторон на принятие политических решений о дальнейшей судьбе их стратегических сил.

После распада СССР острота российско-американского стратегического противостояния заметно снизилась. 17 июня 1992 г. президенты двух стран констатировали, что Россия и США более «...не рассматривают друг друга в качестве противников и развивают отношения партнерства и дружбы». Стратегические силы бывшего СССР разделились на четыре части, три из которых — группировки на Украине, в Казахстане и Белоруссии — к ноябрю 1996 г. были полностью ликвидированы. И хотя, по оценкам российских военных специалистов, стратегические силы России сохраняют возможность нанесения «неприемлемого ущерба» любому возможному агрессору, поддержание стратегического паритета с Россией стало для США задачей менее актуальной и обременительной. В США наметились тенденции

к сокращению программ развития стратегических ядерных сил, снижению ассигнований на эти цели, количественным сокращениям развернутых вооружений. Основной акцент перенесен на те направления, которые дают США возможность активно воздействовать на состояние и развитие стратегических сил России. Активизированы усилия по удержанию России в договорном процессе. Россия поощряется к осуществлению дальнейших взаимных и односторонних инициатив по сокращению и ограничению стратегических вооружений.

В этом контексте хорошо просматривается и роль Договоров СНВ-1 и СНВ-2 как инструмента взаимного воздействия сторон на стратегические программы друг друга. Взаимного — поскольку опыт предыдущих десятилетий показал, что в одиночку ни США, ни Россия ядерного тупика преодолеть не могут.

В заявлениях представителей американской администрации звучит тезис о том, что Договор СНВ-2 знаменует собой окончание конфронтации периода «холодной войны», «новую эру партнерства» в российско-американских отношениях, отмеченную ростом политического и экономического сотрудничества.

Разумеется, вопрос о том, насколько полно учитываются интересы каждой из сторон в договорных документах, остается весьма актуальным.

□ Почему США так настойчиво добиваются ратификации с Россией Договора СНВ-2?

Доводы американской стороны в пользу Договора СНВ-2 можно условно разделить на три группы.

К первой группе относятся политические мотивы глобального исторического плана.

Договор СНВ-2 снижает риск уничтожения Соединенных Штатов в ядерной войне. Снижение этого риска, как заявил министр обороны

Поддерживая Договор СНВ-2, администрация Б.Клинтона считает, что Договор знаменует окончание конфронтации эпохи «холодной войны» и гонки стратегических вооружений и служит основой формирования «новой эры партнерства» в американско-российских отношениях.

США У.Перри на слушаниях в Сенате в марте 1995 г., «является абсолютно приоритетным по сравнению со всеми другими доводами».

В сопроводительном письме прежней администрации США (президента Буша), представляющем Договор СНВ-2 Сенату в январе 1993 г., Договор определен как «водораздел, отделяющий наши усилия по стабилизации равновесия ядерного оружия от последующего снижения количества стратегических наступательных вооружений».

По оценкам специалистов США, он обеспечивает повышенную стабильность, устанавливает прозрачность и открытость, снижает значение средств нанесения первого удара и кладет конец превентивным оборонным стратегиям уходящей эпохи.

Отмечается также значимость Договора СНВ-2 с точки зрения усилий по поддержанию Договора о нераспространении ядерного оружия.

Вторая группа — это военно-стратегическая полезность Договора СНВ-2 для США.

Отмечается, что наиболее важный военный показатель Договора — прямое уничтожение МБР с разделяющимися головными частями, в особенности тяжелых МБР — «наиболее опасного и дестабилизирующего наследия эры ядерной конфронтации». Уничтожение этого нацеленного на США оружия снизит напряженность и, следовательно, пойдет на пользу безопасности США.

Министр обороны США У.Перри при обсуждении Договора в Сенате подчеркивал, что он в полной мере удовлетворяет подходу США к решению главных оборонных задач, которые могут потребовать наличия ядерного оружия, в эпоху, следующую за периодом «холодной войны». Договор СНВ-2, по его оценкам, **закрепляет приблизительную стратегическую эквивалентность ядерных вооружений на более низких уровнях; разрешает США иметь вооруженные силы, достаточные для разумного сдерживания и дающие гарантии в ситуации неопределенности; формирует структуру, которая быстро реагирует на возможные изменения американско-российских отношений в области ядерных вооружений.**

Аналогичные доводы приводились на сенатских слушаниях и председателем объединенного комитета начальников штабов Д.Шаликашвили. Он отметил, что «с любой из военных точек зрения Договор СНВ-2 является надежным соглашением, повышающим безопасность американской нации». По его словам, в соответствии с Договором СНВ-2 американские вооруженные силы будут оставаться в военном отношении достаточными, уничтожение тяжелых МБР значительно снизит побудительные мотивы нанесения первого удара, что увеличит стабильность в кризисных ситуациях.

Третья группа доводов — полезность Договора СНВ-2 для России.

Утверждается, что Договор СНВ-2 служит интересам России и будет способствовать ее политической интеграции в международное сообщество путем реорганизации структуры стратегических вооружений в направлении, отвечающем духу сотрудничества, а не конфронтации. Вооруженные силы пониженного атакующего потенциала, полученные в результате выполнения Договора СНВ-2, упрочат стабильность и улучшат политические отношения России с ее соседями.

Оценки руководства США полезности для России Договора СНВ-2 сводятся в основном к облегчению экономического бремени. О его значении для национальной безопасности России в Вашингтоне предпочитают не говорить.

Считается, что Договор СНВ-2 выгоден России прежде всего с экономической точки зрения, поскольку он поможет снизить бремя затрат на обслуживание огромных стратегических арсеналов. Для России Договор означает содержание стратегических вооружений на значительно более низких уровнях, что приведет к снижению расходов. Он должен облегчить переход российской экономики от ориентации на военно-промышленный комплекс к ориентации на рынок, на удовлетворение потребностей российских граждан, расширение торговых связей со странами Европы, США и другими странами с рыночной экономикой.

Наряду с официально заявляемыми доводами «о пользе Договора СНВ-2 для России» существуют и несколько завуалированные мотивы полезности участия России в Договоре СНВ-2. **Они вытекают из настойчиво эксплуатируемого в США тезиса о низком уровне ядерной безопасности военного и промышленного ядерного комплекса России.** В проводившихся американским Конгрессом слушаниях по этому вопросу высказывались сомнения в надежности контроля за стратегическими ядерными силами со стороны высших должностных лиц России, не исключалось (хотя и с малой долей вероятности) несанкционированное применение российских стратегических сил и т.д. Подобные сомнения оправдывались ссылками на социально-экономическую напряженность нынешней России, отсутствие эффективной законодательной базы, регулирующей полномочия руководства вооруженными силами

страны, ослабление российской системы раннего предупреждения о ракетном нападении, недостаточную защищенность российских стратегических вооружений от несанкционированного пуска, общее ухудшение ситуации в российских вооруженных силах. **В этой связи проблема сокращения ядерных вооружений России рассматривается администрацией США как основное направление российско-американских отношений на данном этапе.** А по словам сенатора Р.Лугара, очередной президент США должен поставить эту проблему в центр своей внешней политики.

Отсюда — полезность любых шагов со стороны США, которые способствовали бы ограничению российских стратегических вооружений, постановке их в жесткие рамки регулируемости, воздействию на них всеми доступными средствами. Один из эффективных инструментов такого регулирования — Договор СНВ-2.

Стремление США во что бы то ни стало добиться вступления Договора СНВ-2 в силу определяется прежде всего тем, что в военно-стратегическом плане он более выгоден для США, чем для России. Соединенные Штаты обладают самыми мощными вооруженными силами, оснащенными современной боевой техникой и вооружением. В мире нет и в обозримом будущем не предвидится появления таких угроз, с которыми бы они не справились без применения ядерного оружия. В то же время единственной реальной угрозой для США является ядерное оружие России и отчасти Китая. Поэтому ядерное разоружение этих стран, даже на обоюдной основе, отвечает коренным интересам безопасности США и это будет накладывать отпечаток на их политику в ядерной сфере в обозримом будущем.

Тезисом «о низком уровне ядерной безопасности» в России оправдывается вывод о необходимости ее укрепления извне, о возможности вмешательства в ее внутренние дела.

Таким образом, **в политическом и военном планах Договор СНВ-2 считается американской администрацией полностью отвечающим интересам национальной безопасности США.** Критики Договора при его обсуждении в Конгрессе не противопоставили этой позиции каких-либо серьезных контраргументов. Этим, очевидно, можно объяснить и сравнительно быструю ратификацию Договора СНВ-2 Сенатом, и ту поспешность, которую проявила прежняя американская администрация Буша при подготовке и подписании Договора в 1992—1993 годах.

□ *Окажет ли влияние Договор СНВ-2 на состояние взаимоотношений России с другими странами?*

Хотя Договор СНВ-2 является двусторонним российско-американским документом, он, разумеется, оказывает косвенное влияние на взаимоотношения России с другими государствами.

Прежде всего, позиция России по вопросу о дальнейшей судьбе Договора СНВ-2 демонстрирует ее отношение к обязательствам всех других государств мирового сообщества, закрепленным в документах ООН и Договоре о нераспространении ядерного оружия, в соответствии с которым неядерные государства — т.е. подавляющее число стран мира — обязуются не приобретать ядерное оружие в обмен на обязательство ядерных держав (в том числе и России) добиваться глубоких сокращений ядерного оружия вплоть до его полной ликвидации. Поэтому действия России в этом вопросе влияют на атмосферу доверия не только в отношениях с США, но также и с их ядерными союзниками, неядерными членами НАТО, странами СНГ, отказавшимися от обладания ядерным оружием. Договор СНВ-2 может быть использован Россией и как инструмент политического воздействия на другие ядерные державы (Великобританию, Францию, Китай) в вопросе об их включении в процесс ограничения и сокращения ядерного оружия, стимулировании их односторонних шагов в этом направлении.

Нельзя также не учитывать и другой стороны дела: политического влияния действий других государств на отношение России к Договору СНВ-2.

Прежде всего — это действия по расширению НАТО на восток. Приближение НАТО к границам России чревато повышением возможности поражения объектов стратегических сил России неядерными вооружениями блока. По оценкам российских военных специалистов, в результате включения бывших союзников по Варшавскому Договору в члены НАТО появляется возможность использования 290 аэродромов на их территориях для размещения тактической авиации НАТО, способной достигать рубежа Грозный — Саратов — Котлас — Архангельск. Под удар неядерных тактических авиационных средств НАТО попадают базы ПЛАРБ на севере России, базы стратегической авиации (Моздок, Энгельс) и до 60% баз российских наземных МБР.

□ *Возможные последствия нератификации Россией Договора СНВ-2.*

В случае нератификации СНВ-2 Россия окажется перед лицом значительного военно-стратегического превосходства США. Это объясняет-

ся тем, что в результате окончания гарантийных сроков эксплуатации ее СНВ, произведенных еще в бытность СССР, ожидается их массовый выход из боевого состава в период 2003—2007 гг. Поэтому к 2007 г. в составе российских СЯС останется не более 1500—2000 боеголовок. В этих условиях США имеют возможность остаться на уровне ограничений СНВ-1, т.е. иметь в боевом составе до 6000 боезарядов, а с учетом неадекватного зачета числа боеголовок на ТБ еще дополнительно могут развернуть 2000—2500 единиц. Образующееся в этом случае 4—6 кратное превосходство США вряд ли отвечает интересам России. Это диктует необходимость ратификации СНВ-2, несмотря на значительные недостатки Договора.

При решении судьбы Договора СНВ-2 необходимо иметь в виду не только его влияние на российско-американские отношения, но и значение его в международном масштабе. Это особенно актуально в связи с тем, что во время работы Конференции 1995 г. и решением о бессрочном продлении Договора о нераспространении были предъявлены серьезные требования со стороны мирового сообщества к ядерным державам в отношении сокращения их ядерных арсеналов, вплоть до полной ликвидации.

Было принято решение о проведении обзорных конференций каждые пять лет, начиная с 2000 г., с обсуждением хода выполнения ДНЯО, в первую очередь со стороны пяти ядерных держав. В случае нератификации СНВ-2 США и их союзники постараются обвинить Россию в создании препятствий на пути ядерного разоружения.

Проведение в мае 1998 г. серии ядерных испытаний Индией и Пакистаном пробило зияющую брешь в режиме нераспространения ядерного оружия. Это явилось наиболее серьезным ущербом для этого Договора за всю его тридцатилетнюю историю, который может привести к цепной реакции «горизонтального» распространения ядерного оружия. При этом следует учитывать, что секрета ядерного оружия не существует и даже в случае полной его ликвидации человечество уже никогда не утратит знаний о нем и возможности для его воспроизводства. Для многих государств, обладающих средним научно-техническим уровнем, возможность создания ядерного оружия обусловлена двумя неперемennыми условиями: принятием политического решения и обладанием определенным количеством расщепляющихся материалов. По оценкам экспертов, в случае принятия политического решения такие страны как Германия, Япония, Бразилия и некоторые другие могут стать обладателями ядерного оружия менее чем за год.

В случае нератификации СНВ-2 у США появится дополнительный предлог в пользу выхода из Договора по ПРО со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая перспективу распространения противоракетного оружия на космос, создания и размещения в космосе средств борьбы, основанных на новых физических принципах. Отказ от ратификации приведет к серьезному ухудшению российско-американских отношений, усилению экспансии США на Кавказ и в Централь-

ную Азию, ускорит процесс расширения НАТО, в том числе за счет принятия в него стран Балтии и Украины. Это также приведет к ухудшению экономического сотрудничества с США, их союзниками, международными финансовыми организациями, усилит их противодействие интеграционным процессам в СНГ, возрождению российской экономики. Будет прекращено оказание помощи России по ликвидации выводимых из боевого состава вооружений в соответствии с законом Нанна-Лугара.

2. Военно-стратегические аспекты Договора СНВ-2

□ *Сохраняется ли между Россией и США «взаимное сдерживание» в условиях снижения их ядерных потенциалов до уровней, предусмотренных Договором СНВ-2?*

Концепция «взаимного сдерживания» базируется на поддержании стратегической стабильности. **Под стратегической стабильностью понимают такое состояние межгосударственных отношений и сил сторон, когда ни одна из них не имеет намерений и возможности нарушить в свою пользу соотношение сил с расчетом одержать победу в ядерном конфликте.** Это означает, что каждая сторона обладает способностью нанести своему противнику **неприемлемый ущерб** в ответных действиях при любых условиях развязывания против нее войны. Образно говоря, кто стреляет первым — тот умирает вторым.

Следует иметь в виду, что сам так называемый «**неприемлемый ущерб**» не есть некоторая фиксированная раз и навсегда величина, а его размеры зависят от целей, которые ставят государства при планировании военных действий. Так, в период холодной войны, когда речь шла об уничтожении СССР как социально-политической системы, США руководствовались критерием Макнамары (министр обороны в администрации Кеннеди), согласно которому **размеры неприемлемого ущерба оценивались в потерях 25–30% населения и до 70% промышленного потенциала.** Для достижения такого эффекта **необходимо было доставить к целям на территории СССР около 400 боеголовок** мегатонного класса. Примерно **такой же подход был характерен в ту пору и для оперативно-стратегических планов СССР.**

По мере снижения уровня конфронтации между Россией и США стало ясно, что размеры неприемлемого ущерба отличаются значительной избыточностью. В этих условиях военно-политическое руководство как России, так и США вряд ли отдадут приказ на нанесение первого удара, сознавая, что в результате ответных действий над

их крупными городами взорвется несколько десятков (а может быть, даже один) зарядов мегатонного класса.

Следовательно, можно утверждать, что для надежного сдерживания эвентуального противника от нападения достаточно гарантированно доставить к важнейшим целям на его территории несколько десятков боезарядов СНВ. Это означает, что общее количество ядерных боезарядов на средствах СНВ должно быть не меньше их количества, необходимого для нанесения такого неприемлемого ущерба с учетом суммарного количества их потерь при ведении войны обычными средствами в безъядерный период, потерь в ходе первого удара противника и при преодолении его ПРО.

Общее количество боезарядов на средствах СНВ может быть ориентировочно подсчитано по следующей зависимости:

$$\sigma_{\Sigma} \geq \sigma_{бз} + \sigma_{ов} + \sigma_{яв} + \sigma_{про}$$

где, σ_{Σ} — суммарное (общее) количество ядерных боезарядов на стратегических носителях;

$\sigma_{бз}$ — количество боезарядов, которое необходимо гарантированно доставить на территорию противника для выполнения боевой задачи;

$\sigma_{ов}$ — ожидаемые потери боезарядов в ходе безъядерного периода войны;

$\sigma_{яв}$ — ожидаемые потери боезарядов в результате ядерного удара противника;

$\sigma_{про}$ — вероятные потери боезарядов при преодолении ПРО противника.

Кроме того необходимо учитывать снижение вероятности доведения приказов на пуск ракет по системам боевого управления в ходе ответных действий в условиях воздействия противника.

Следует учитывать, что даже в случае развертывания США системы ПРО, эффективность ее до 2010—2015 гг. по перехвату стратегичес-

ких боеголовок, летящих в сопровождении облака ложных целей, будет сравнительно невелика. **Ориентировочно потери российских стратегических ядерных сил в случае нанесения по ним первого ядерного удара могут достигать 70—80%.** Оставшиеся непораженными 20—30% (ПЛАРБ, находящиеся в море, мобильные МБР на боевом патрулировании, ТБ — на боевом дежурстве), (700—1000 боеголовок), что более чем достаточно для нанесения агрессору, с учетом его союзников по НАТО, неприемлемых потерь. Даже при 50%-ных потерях на ПРО, что в ближайшее время маловероятно, к целям прорвутся 350-500 боеголовок. **Следовательно, в условиях сокращения СНВ до уровня 3000—3500 ядерных боезарядов концепция сдерживания будет сохранять свое военно-политическое значение.** Значительное сокращение стратегических вооружений России в результате окончания их гарантийных сроков эксплуатации, приведет к тому, что независимо от вступления в силу Договора СНВ-2, на вооружении ее СЯС к 2007 г. останется не более 1500—2000 боезарядов. Это означает, что в основу стратегического планирования должна быть положена противоценностная концепция, означающая нанесение ответного удара по наиболее чувствительной сфере противника - крупным городам и промышленным центрам. Например, известно, что в США имеется 25 городов с населением более полумиллиона человек. Можно быть уверенным в том, что США не рискнут нанести первыми ядерный удар, если будут твердо знать, что в ответных действиях Россией будут взорваны 25—30 боеголовок над этими городами. В то же время расчеты показывают, что с учетом возможных потерь российских СНВ в результате первого удара США, частичного вывода из строя системы управления и возможных потерь боеголовок при преодолении гипотетической ПРО США, России необходимо иметь на носителях суммарное количество боеголовок порядка 1500—1600 единиц. Это число боезарядов СНВ может служить ориентиром для переговоров по СНВ-3. Концепция ядерного сдерживания является продуктом холодной войны, и в конечном счете она должна уступить место новому типу отношений двух стран в военной сфере. При этом необходимо иметь в виду, что сама концепция ядерного сдерживания будет постепенно претерпевать трансформацию по мере снижения уровня ядерных потенциалов двух стран, укрепления мер доверия между ними, установления по-настоящему партнерских отношений.

□ *Каким будет соотношение контрсилловых потенциалов и потенциалов ответного удара СЯС России и США в условиях выполнения Договора СНВ-2?*

По авторитетному свидетельству видных российских военных экспертов, соотношение боевых возможностей СНВ СССР и США по состоянию на период подписания Договора СНВ-1 определялось следующими показателями:

Стратегические ядерные силы СССР имели значительное превосходство над СЯС США в суммарном забрасываемом весе МБР и БРПЛ (более чем в 2,5 раза) и общем мегатоннаже (более чем в 2 раза). Это создавало возможность поражения площадных целей в 1,7 раза больше, чем СНВ США.

Соотношение потенциала сдерживания составляло 3—4,5:1 в пользу США. При реализации СНВ-1 это соотношение должно составить 2—2,5:1. В условиях СНВ-3 ожидается выравнивание потенциалов сдерживания.

В то же время контрсилловый потенциал США примерно на 20% превосходил аналогичный показатель у СССР. Это определялось более высокими характеристиками точности наведения боеголовок на цель американских СНВ. Такое соотношение сил определялось как примерный паритет и обеспечивало выполнение задачи сдерживания противостоящими сторонами друг друга, однако на чрезвычайно высоком уровне боевых возможностей, превышающим все разумные потребности.

При этом решающая роль в СЯС СССР принадлежала МБР: они были способны поразить до 75% всей площади в противоценностном ударе СНВ и до 90% от числа защищенных малоразмерных целей.

В США роль группировки МБР была значительно меньше: доля поражаемой ими площади составляла около 40%, а высокозащищенных целей — до 60%.

Для проведения сравнительной оценки боевых возможностей СЯС двух сторон после сокращений по Договору СНВ-2 необходимо определить примерный их состав.

В качестве одного из возможных вариантов установим, что СНВ России будут иметь 800 боевых блоков ракет СС-25 («Тополь-М»), 1750 блоков БРПЛ и 450 боезарядов ТБ, всего около 3000 боевых блоков.

СЯС Соединенных Штатов будут иметь 500 боеголовок на МБР «Минитмен-3», 1728 боеголовок на БРПЛ «Трайидент-2» (в том числе 400 высокоточных боеголовок W-88), и 1200 авиационных боеприпасов (всего около 3500 боезарядов).

Суммарный мегатоннаж уменьшится для российских СЯС почти в пять раз, для СНВ США — около двух раз. Это приведет к тому, что размеры поражаемой площади СНВ Соединенных Штатов будут примерно на 20% больше, чем у СНВ России, что вряд ли имеет существенное значение. При этом следует учитывать, что при ликвидации многозарядных ракет и замены их на однозарядные роль контрсилового потенциала значительно снижается, поскольку для уничтожения последних необходимо будет затратить большее количество боеголовок, чем число уничтоженных ими у противника.

В условиях предстоящих сокращений до уровня 3000—3500 и даже до 1500—2000 боезарядов у каждой стороны задача сдерживания будет обеспечиваться, и более того, это количество оценивается как избыточное (при условии отсутствия у сторон ПРО), что создает возможность для дальнейших сокращений.

Однако следует учитывать, что в условиях радикальных сокращений СНВ будет значительно возрастет роль обычного и особенно высокоточного оружия. Поражающее действие высокоточного оружия (ВТО) по поражению высокозащищенных точечных целей приближается к действию ядерного оружия. По оценкам экспертов, США уже в 1995 г. имели такое количество ВТО, которое эквивалентно 500 боевых блоков и их накопление продолжается. Потери СНВ России при применении против них высокоточного оружия могут превышать 30%. Соответственно, применение российской стороной обычного оружия по объектам американских СНВ, практически исключено, что объясняется особенностями их географического положения и отсутствием авиабаз России вблизи их территории. При этом следует учитывать, что в условиях расширения НАТО на восток в распоряжение блока перейдет около 290 аэродромов, на большинстве из которых возможно размещение боевой авиации. По оценке специалистов, под ударами авиации НАТО окажется около 60% объектов стратегических ядерных сил России.

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов наличие ядерных средств в других странах — союзниках США.

□ *Окажет ли влияние Договор СНВ-2 на уровень стратегической стабильности ?*

Влияние переговоров и подписание соглашений по ограничению и сокращению вооружений на стратегическую стабильность может быть как положительное, так и отрицательное, в зависимости от того, какие результаты в итоге достигнуты.

Несомненно, сами переговоры — как в политическом, так и в дипломатическом плане — являются стабилизирующим фактором, укрепляющим доверие между договаривающимися сторонами. Вместе с тем в ряде случаев достигнутые договоренности могут оказаться негативными для стратегической стабильности. Вопрос заключается в том, к чему приводит та или иная договоренность: к сокращению вооружений или укреплению безопасности, либо (наиболее благоприятный вариант) к тому и другому вместе.

Само по себе сокращение вооружений, даже крупное, не может быть главной целью соглашения, если при этом безопасность одной из сторон снижается.

Следует еще раз подчеркнуть, что стратегическая стабильность в условиях существования СНВ основывается на том, что любая сторона, подвергаясь агрессии, будет способна даже в самых неблагоприятных для нее условиях нанести агрессору неприемлемый ущерб в ходе ответных действий. При этом необходимо учитывать, что военно-стратегический паритет в области СНВ России с США уходит в прошлое. Необходимым и достаточным условием поддержания стабильности является нанесение неприемлемых потерь противнику в ответном ударе. Известно, например, что в США имеется 25 городов с населением более полумиллиона человек. Вряд ли можно сомневаться в том, что США никогда не пойдут на обмен ядерными ударами, сознавая, что над этими городами взорвутся 25—30 боеголовок мегатонного класса (потери более четверти населения страны).

□ *Почему США так настойчиво добивались полной ликвидации тяжелых ракет России?*

Российские тяжелые ракеты СС-18 (Р-36М УТТХ) вобрали в себя новейшие (по 70—80-м годам) достижения советской науки и техники в области ракетостроения. Это жидкотопливная ракета, оснащенная 10 ядерными боеголовками полумегатонного класса индивидуального наведения, обладает высокой точностью (по оценкам иностранных экспертов, круговое вероятное отклонение боеголовки от цели составляет около 200 м). Сочетание высокой точности наведения и мощности боеголовки делает эту тяжелую ракету весьма эффективным контрсиловым средством, которое может быть использовано как в первом разоружающем ударе, так и в ударе «возмездия». При стартовой массе около 200 т ракета несет на себе полезную нагрузку до 8,8 т. Для сравнения укажем, что американская ракета МХ, также оснащенная 10 ядерными боеголовками, имеет полезную нагрузку равную 4,3 т.

Американские военные специалисты при оценке СС-18 опасаются того, что ее большая полезная нагрузка создает возможность разместить на ней больше чем 10 боеголовок.

Однако наибольшие опасения со стороны США вызваны тем, что эта ракета обладает высокой способностью успешно преодолевать противоракетную оборону, которая может быть развернута в обозримом будущем. Американские специалисты полагают, что на средства преодоления ПРО необходимо выделять не менее 10% полезной нагрузки ракеты. Так, в комплект средств преодоления ПРО ракеты МХ общей массой до 450—500 кг входят тяжелые и легкие ложные цели, дипольные отражатели радиолокационного излучения, станции активных помех. Аналогично при выделении 10% массы полезной нагрузки на средства преодоления ракеты СС-18 эта величина составит 900—1000 кг. Это означает, что комплект средств преодоления будет еще более весомым, разнообразным и содержать в себе помимо традиционных элементов неожиданные сюрпризы, которые могут поставить в тупик противоракетную оборону противника.

Согласие на ликвидацию тяжелых ракет рассматривается многими военными специалистами как наиболее существенная уступка России, не получившая адекватного ответа со стороны США.

В то же время необходимо отметить, что согласие России на ликвидацию тяжелых ракет объясняется в значительной степени тем, что эти ракеты производились на украинском заводе «Южмаш» в Днепропетровске.

США высказывают опасения, что ракета СС-18, обладающая высокой способностью успешно преодолевать систему ПРО, может быть вновь развернута в обозримом будущем.

Поэтому строить свои стратегические ядерные вооружения в расчете на иностранное государство, к тому же нередко проявляющее недружественное отношение к России, вряд ли было бы оправданным.

Наладить же собственное производство тяжелых ракет на заводах России в сложных экономических условиях в обозримом будущем не представляется возможным. Для этого потребуются не менее 35 млрд. руб. и 7—8 лет на НИОКР и организацию производства ракет.

В то же время представляется целесообразным сохранить до истечения гарантийных сроков (до 2006 г.) около 60 ракет РЗ6М2 последней модификации со снятыми боеголовками (после 2003 г.) для компенсации превосходства США в размерах «возвратного потенциала».

В то же время следует заметить, что жидкотопливная ракета СС-18 имеет сравнительно продолжительный участок разгона (порядка 5 минут) и участок разведения боеголовок (5-8 минут), там где она наиболее уязвима. В случае выхода США из Договора по ПРО и создания противоракет космического базирования вероятность уничтожения ракет СС-18 на этих участках будет довольно велика. Поэтому будущее МБР принадлежит твердотопливным ракетам, в частности «Тополю-М».

3. Влияние Договора СНВ-2 на стратегические силы сторон

□ *Как повлияет Договор СНВ-2 на состав группировки МБР (РВСН) России?*

Отвечая на поставленный вопрос, необходимо указать, что на состав и структуру наземной компоненты СЯС — МБР определяющее значение будут оказывать три основных фактора:

- Договор СНВ-1;
- Договор СНВ-2;
- нынешний состав СНВ и экономические возможности России.

Договор СНВ-2 содержит только две контрольные цифры: общее число боезарядов на носителях — не более 3500 и число боезарядов на ракетных подводных крейсерах стратегического назначения (РПКСН) — не более 1750. В соот-

ветствии с СНВ-2 следует иметь в виду, что одновременно действует и Договор СНВ-1, в связи с чем существует правило: что не охвачено вторым Договором, регулируется статьями первого. В соответствии с этим правилом продолжает действовать ограничение на число носителей — 1600 единиц, установленное Договором СНВ-1. С учетом полного запрета на многозарядные МБР и в то же время сохранения в боевом составе многозарядных БРПЛ становится целесообразным сохранение последних на верхнем уровне ограничений, т.е. около 1750 единиц. С учетом возможностей тяжелых бомбардировщиков на них ориентировочно может быть размещено до 700—800 боезарядов (крылатых ракет). Следовательно, теоретически в предельном случае при благоприятных экономических условиях в России пример-

ный состав СЯС после выполнения Договора СНВ-2 мог бы быть примерно таким: 1700—1750 боезарядов на БРПЛ, 700—800 — на ТБ, 800—900 — на МБР. Однако реально Россия к 2008 г. будет иметь не более 1500 боезарядов, т.е. гораздо ниже уровня, предусмотренного СНВ-2. **Серьезной проблемой, вызвавшей широкую дискуссию среди специалистов, явилось соотношение стационарных и мобильных комплексов в составе РВСН.**

Сторонники мобильных ракет в качестве основного довода указывают на их относительно высокую живучесть.

Однако следует иметь в виду, что высокая живучесть мобильно-грунтовых комплексов реализуется лишь в том случае, если они еще в мирное время постоянно размещаются и передвигаются в позиционных районах по случайному закону или будут иметь стратегическое предупреждение. Этому в значительной степени препятствуют ограничения, накладываемые Договором СНВ-1 на районы базирования и порядок передвижения комплексов.

Кроме того, необходимо учитывать экономические затраты, значительно превосходящие затраты на содержание и эксплуатацию шахтных ракетных комплексов, значительно большее количество личного состава, приходящееся на одну боеголовку (в 4—5 раз), слабую защищенность от обычного и особенно высокоточного оружия, от диверсионных и террористических действий, что в условиях России имеет также немаловажное значение.

Ракеты, размещенные в шахтах, обладают рядом положительных качеств, среди которых — высокая точность, боеготовность, оперативность, надежность доведения приказов и команд, защищенность от обычного оружия и диверсионных действий, сравнительно небольшие затраты на эксплуатацию. Наиболее существенным недостатком таких ракет является их низкая живучесть (выживаемость) в случае нанесения противником первого ядерного удара или воздействия высокоточного оружия. Это особенно чувствительно в нынешних условиях, когда фактически разрушена система предупреждения о ракетном нападении (СПРН), которая обеспечивала участие шахтных ракет в проведении ответно-встречного удара, т.е. их запуск до падения боеголовок противника на территорию России.

Определение оптимального соотношения количества стационарных и мобильных МБР необходимо производить с учетом военно-стратегических и экономических факторов.

Поэтому для определения оптимального соотношения стационарных и мобильных МБР, общего их количества необходимо учитывать как военно-стратегические, так и экономические факторы.

По мнению некоторых специалистов, в составе РВСН целесообразно иметь порядка 60% мобильных МБР и 40% стационарных. Другая часть специалистов отдает предпочтение шахтным ракетным комплексам, на которых желательно иметь до 50—60% боезарядов РВСН, а остальную часть — на мобильных.

В РВСН предпринимаются значительные усилия по продлению гарантийных сроков нахождения ракет на боевом дежурстве. Так гарантийные сроки жидкотопливных ракет продлеваются (в индивидуальном порядке) до 20—22 лет, твердотопливных — до 12—15 лет. Стоимость работ по продлению этих сроков составляет 5—6% от стоимости производства новых ракет. Продление гарантийных сроков эксплуатации ракет не может быть бесконечным. В условиях вынужденного увеличения сроков эксплуатации жидкотопливных ракет на некоторых из них наблюдается старение металла топливных баков, деформация корпусов, в будущем возможна протечка самовоспламеняющихся при соединении компонентов топлива. Можно себе лишь представить, что произойдет, если в результате протечки в шахте взорвется 200 т топлива ракеты с десятью ядерными боеголовками.

□ *Каково соотношение усилий сторон по приведению группировки их МБР в соответствие с требованиями Договора СНВ-2?*

Следует заметить, что в этом отношении Россия и США находятся в далеко неравноправном положении.

Договор СНВ-2 практически сохраняет существующую структуру американских СНВ и обеспечивает им сравнительно небольшие усилия по реформированию наземного компонента МБР.

У США доля боезарядов, размещенных на МБР наземного базирования, традиционно не превышала 25% всех ядерных боеголовок. Это определяется не только особенностями геостратегического положения США и технологического уровня баллистических ракет, но и направленностью перспективного военного планирования. Так, **США предстоит вывести из боевого состава (по сравнению с 1991 годом) 450 морально и физически устаревших ракет «Минитмен-2» и 50 современных ракет «МХ».** В боевом составе СЯС у США останутся 500 ракет «Минитмен-3», оснащенных в настоящее время тремя боеголовками.

ми, из которых две будут сняты и складированы. Таким образом, всего в мирное время на МБР будет находиться 500 боезарядов (14%). **Поскольку не предусматривается переделка платформ ракет, на которых размещаются боеголовки, это значительно удешевляет процесс «разгрузки», но в то же время обеспечивает возможность довольно быстрого наращивания «возвратного потенциала», который составит на МБР 1000 боеголовок.** Никаких дополнительных затрат на производство новых ракет планы США не предусматривают.

Совершенно в ином положении оказывается Россия, у которой традиционно основу стратегической триады составляют многозарядные МБР наземного базирования (до 65% всех боезарядов). России предстоит вывести из боевого состава и ликвидировать около 400 устаревших ракет СС-11, СС-13, СС-17. Ликвидировать 65 ракет СС-19, разгрузить до одной боеголовки 105 таких ракет и оставить их на боевом дежурстве, так же как и ракеты США, без переделки платформ.

России предстоит с учетом требований СНВ-2 и Протокола о продлении сроков ликвидации тяжелых ракет уничтожить к 2007 г. все тяжелые ракеты СС-18 (в общей сложности 154 единицы), оставшиеся после выполнения СНВ-1.

Россия будет вынуждена нести значительные затраты на переоборудование 90 шахтных пусковых установок тяжелых ракет, предназначенных для размещения в них моноблочных ракет. Договором предусмотрена заливка этих шахт бетоном на глубину 5 м и установка ограничительных колец диаметром 2,9 м. Данная мера не имеет в военном плане никакого значения, поскольку все тяжелые ракеты будут уничтожены, а их производство было налажено только на Украине. Все это делает невозможным тайное размещение тяжелых ракет в шахтах в нарушение Договора. Однако на выполнение этой операции потребуются значительные финансовые средства.

Весьма большое количество снимаемых с вооружения ракет ставит Россию перед необходимостью восполнить понесенные потери.

Подлежат ликвидации 36 твердотопливных ракет СС-24 железнодорожного базирования и 10 таких же ракет, размещенных в шахтах (460 боеголовок).

После ликвидации многозарядных МБР у России останется 105 ракет СС-19 и около 360 мобильных МБР типа «Тополь», значительная часть

из которых в скором времени потребует замены в силу их физического устаревания.

Серьезную экономическую и экологическую проблему представляет утилизация жидкого и твердого ракетного топлива. Жидкое горючее — гептил представляет собой чрезвычайно токсичное вещество, количество которого в ракетах исчисляется несколькими десятками тысяч тонн. США в порядке оказания помощи России в ликвидации вооружений обещали поставить промышленные установки для гидрогенизации гептила и размывания водяной струей под давлением твердотопливных зарядов ракет.

Для того, чтобы довести к 2007 г. общее количество МБР в группировке РВСН до 800—900 единиц России будет необходимо обеспечить ежегодное производство моноблочных ракет типа «Тополь-М» на уровне 80—90 единиц. **В силу сложного экономического положения России не удастся обеспечить выполнение этой задачи в установленные сроки. В качестве возможного выхода из такой ситуации, возможно, придется растянуть поставку ракет «Тополь» на более продолжительное время.** В конце 1998 г. первый полк шахтного базирования (10 ракет) МБР «Тополь-М» был поставлен на боевое дежурство. В ближайшие два года планируется ежегодно вводить в строй по 10 ракет. После 2000-го года в боевой состав РВСН должны вводиться 35—45 таких ракет ежегодно.

□ *Как повлияет отказ сторон от МБР с РГЧ на их ядерные потенциалы?*

Чтобы ответить на этот вопрос, уместно вспомнить те обстоятельства, которые обусловили появление МБР с РГЧ.

Одним из них и, пожалуй, самым важным было требование повышения эффективности преодоления ПРО. В 60—70-х годах **в Соединенных Штатах и Советском Союзе интенсивно проводились исследования в области ПРО, что, в свою очередь, подтолкнуло создателей ракетной техники на поиск путей ее преодоления.** Наиболее эффективный из них — применение разделяющихся головных частей на стратегических баллистических ракетах. Существо вопроса заключается в том, что **повышение эффективности преодоления ПРО в этом случае достигается за счет сведения к минимуму или даже к отрицательному значению баланса времени на организацию перехвата средствами ПРО атакующих боеголовок за счет информационного «насыщения» системы ПРО** (когда в состав РГЧ входят несколько боеголовок и комплекс средств преодоления ПРО — различного типа легкие ложные цели, тяжелые ложные цели, станции активных помех).

Другим фактором, повлиявшим на создание МБР с РГЧ, является то, что **при одной и той же массе полезной нагрузки (головной части) и стрельбе по площадным целям величина поражаемой площади у ракет с РГЧ оказывается, как правило, больше, чем у моноблочных ракет.** Несмотря на то, что суммарный тротильный эквивалент всех боеголовок МБР с РГЧ в этом случае меньше, чем тротильный эквивалент моноблочной головной части, определяющим фактором здесь является более равномерное распределение энергии ядерных взрывов по площади цели при применении разделяющихся головных частей.

Не менее важным является и то, что **применение разделяющихся головных частей позволяет осуществлять избирательное прицеливание каждой боеголовки, входящей в состав таких головных частей.** При этом точки прицеливания боеголовок могут и находиться весьма близко (или даже совпадать), и отстоять друг от друга на значительном расстоянии. Возможность подобной гибкости в выборе точек прицеливания (планирование) с оперативной точки зрения весьма существенна.

Таким образом, если говорить о том, как повлияет отказ от МБР с РГЧ на ядерные потенциалы сторон, то нужно иметь в виду, что этот **потенциал зависит от целого ряда факторов, основными из которых являются:** суммарный тротильный эквивалент, эффективность преодоления ПРО, точность доставки ядерных зарядов к цели. Если, например, в качестве исходного условия принять равенство полезной нагрузки моноблочных МБР и МБР с РГЧ, то суммарный тротильный эквивалент моноблочных ракет будет больше. В то же время, при прочих равных условиях, эффективность преодоления ПРО моноблочных МБР будет ниже. Точность же доставки ядерных боезарядов к цели при современном уровне развития науки и техники и используемых методах наведения ракет можно считать практически не зависящей от типа головной части — будет ли она моноблочной или разделяющейся. При этом следует отметить, что при стрельбе по сильно защищенным целям повышение точности доставки ядерных зарядов влияет на эффективность стратегических ракет значительно сильнее, чем увеличение их тротильного эквивалента. Расчеты показывают, что увеличение точности наведения боеголовки на цель в два раза эквивалентно увеличению количества боевых блоков в четыре раза (в квадрате) или повышению мощности заряда в восемь раз (в кубе). Поэтому борьба за повышение точности наведения боеголовок на цель являлась приоритетом на всем протяжении истории

создания и совершенствования ракетного вооружения. Еще один вывод также вряд ли может вызвать сомнение: **в условиях противодействия, то есть при наличии у другой стороны системы ПРО, выходящей за рамки Договора по ПРО, отказ от МБР с РГЧ будет оказывать отрицательное влияние на величину эффективного ядерного потенциала.**

□ *Как повлияет Договор СНВ-2 на состав БРПЛ (МСЯС) России?*

Определенным положительным моментом Договора СНВ-2 является впервые достигнутое согласие США на радикальные сокращения морского компонента стратегических ядерных сил, на которых они размещали около 60% своих стратегических боезарядов. Как известно, **СНВ-2 устанавливает жесткий верхний предел количества боезарядов, размещенных на ракетных подводных крейсерах стратегического назначения, на уровне 1750 единиц,** что составляет 50% от общего числа боезарядов на средствах СНВ.

В прежнем составе (до 1991 г.) СЯС России доля морского компонента по боезарядам составляла около 25%.

Ограниченные гарантийные сроки эксплуатации атомных подводных крейсеров (20—25 лет в условиях развитой инфраструктуры) и ракет морского базирования (10—15 лет) определяют ситуацию, при которой **Россия в условиях экономической неустойчивости и без ограничений Договора СНВ-2 будет вынуждена значительно сократить их количество в результате физического устаревания.** Это может привести к тому, что к 2003 г. Россия вряд ли сможет обеспечить содержание БРПЛ на подлодках на уровне 1750 боезарядов (см. рисунок).

Этому способствует также и то, что начиная с 1990 г. в строй не введен ни один подводный ракетный крейсер. Специалисты полагают, что в лучшем случае к 2003 г. в боевом составе флота останется следующее количество РПКСН третьего поколения и число боезарядов на них: 6 подлодок типа «Тайфун», оснащенных 20 БРПЛ СС-Н-20 с десятью боеголовками каждая, всего 1200 боеголовок, и 7 подлодок «Дельта-4», оснащенных 16 БРПЛ СС-Н-23 с четырьмя боеголовками каждая, всего 448 боеголовок. Таким образом, общее количество боеголовок МСЯС к 2003 г. в лучшем случае составит примерно 1680 единиц. Некоторое уменьшение количества боеголовок БРПЛ от предельного значения не окажет существенного влияния на соотношение сил между Россией и США в стратегической области.

Однако слабость береговой инфраструктуры, необеспеченность РПКСН планомерным средним ремонтом резко сокращают сроки службы ракетноносцев. Такое положение с ремонтом может привести к тому, что к 2008 г. в боевом составе останется 2—3 подлодки «Тайфун» и 3—4 подлодки «Дельта-4» с общим количеством боеголовок 600—800 единиц.

Есть определенная уверенность в том, что после ратификации Договора СНВ-2 разоруженческий процесс будет продолжен и снижение предельных потолков количества боезарядов на стратегических носителях создаст условия для дальнейшего уменьшения боезарядов на БРПЛ.

При этом следует иметь в виду, что Россия вынуждена отказаться от военно-стратегического паритета в ядерной области в том понимании, как это было характерно для периода холодной войны. Основой взаимоотношений двух стран в области стратегических вооружений будет оставаться политика взаимного ядерного сдерживания, в основе которой лежит способность к нанесению неприемлемого ущерба нападающей стороне в ответных действиях.

Есть надежда, что после ратификации Договора СНВ-2 разоруженческий процесс будет продолжен и снижение количества боезарядов на стратегических носителях создаст условия для последующего уменьшения количества боезарядов на БРПЛ.

Для поддержания МСЯС на требуемом уровне России необходимо предпринять определенные усилия в целях увеличения гарантийных сроков эксплуатации существующих РПКСН за счет совершенствования инфраструктуры, проведения своевременной модернизации и ремонта.

При этом необходимо иметь в виду, что и после проведения сокращений по Договору СНВ-2 количество стратегического оружия в арсеналах России и США будет существенно больше, чем необходимо для нанесения неприемлемого ущерба в ответных действиях. Разумеется, это справедливо в условиях отсутствия у сторон системы ПРО.

□ **Каково соотношение усилий сторон по приведению их БРПЛ в соответствие с требованиями Договора СНВ-2?**

Для того, чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо рассмотреть состояние МСЯС США и России на момент заключения Договора СНВ-2 и после выполнения требований СНВ-2. (См. табл. 1 и 2.)

К началу сокращений по состоянию на 1991 год на вооружении ВМС США состояло 36 подводных ракетноносцев, на которых размещались 672 ракеты с 5760 боеголовками индивидуального наведения. В соответствии с планами, опубликованными в США, после проведения сокращений у них останутся 18, а возможно, всего 14 атомных подлодок системы «Трайдент-2». Каждая такая подлодка типа «Огайо» несет на себе

24 ракеты «Трайидент-2», оснащенные 8 боеголовками мощностью до 400 кт и обладающие высокой точностью наведения, что делает возможным их применение в первом, разоружающем и ответном ударах.

Поэтому США предстоит ликвидировать 18—22 подводных крейсера и 430—530 баллистических ракет. **Прочное экономическое положение США и меньшее, чем у России количество демонтируемых атомных подлодок и баллистических ракет хотя и потребуют значительных затрат, но не вызывают сомнений в том, что в случае вступления СНВ-2 в силу эта задача будет успешно решена.**

По предварительным оценкам специалистов США, на ликвидацию излишнего количества БРПЛ Соединенным Штатам потребуется свыше 110 млн. долларов. Однако представляется, что в действительности затраты на эти цели окажутся значительно выше. Вероятно еще большими будут затраты на ликвидацию подводных крейсеров.

Российские МСЯС к началу процесса радикальных сокращений (1991 г.) насчитывали в своем боевом составе 62 подводных ракетносца, на которых было развернуто 940 баллистических ракет с 2804 ядерными боезарядами. Как уже ранее указывалось, в ближайшее время, предположительно, в строю останутся 4 РПКСН типа «Тайфун» (80 ракет и 800 боеголовок) и 7 подлодок типа «Дельта-4» (112 ракет, 448 боеголовок).

Таким образом, России предстоит ликвидировать 50 подводных крейсеров и около 700 баллистических ракет морского базирования. При этом вновь подчеркнем, что такие сокращения РПКСН и БРПЛ объясняются прежде всего не столько рамками Договора СНВ-2, сколько их физическим устареванием и выходом за пределы гарантийных сроков эксплуатации. Это объясняется тем, что большая часть нашего стратегического подводного флота (из общего числа 62 едини-

цы) являются устаревающими кораблями, которые были спущены на воду в 70-х — начале 80-х годов («Навага», «Мурена», «Кальмар»). Поэтому значительная часть из них уже в настоящее время либо выведена из боевого состава, либо находится в базах на капитальном ремонте.

Ликвидация РПКСН и БРПЛ потребует от России значительных финансовых затрат. Так, только изъятие и транспортировка на химкомбинат для регенерации отработанного реакторного топлива одной подлодки обходится в 1 млн. руб. (в ценах 1997 г.). Полная разделка на металлолом корпуса подлодки и извлечение реакторного отсека стоит около 30 млн. руб. **Для обеспечения радиационной безопасности реакторов подлодки, выведенной из боевого состава и ожидающей очереди на разделку, необходимо содержать до 30—40% личного состава экипажа.** Содержание такой подлодки, не влияющей на боевой потенциал МСЯС, обходится в год около 8 млн. руб. Это указывает на необходимость ускорения темпов работ по разделке этих РПКСН.

В последнее время Россия демонтировала не более 2—3 подлодок в год. Это объясняется прежде всего кризисным состоянием экономики и недостаточным финансированием работ по демонтажу корпусов подводных крейсеров и особенно по транспортировке на химические предприятия для нейтрализации отработанного реакторного топлива и захоронению реакторов. Однако в последнее время появилась надежда на то, что с внедрением взрывного метода на основе удлиненныхкумулятивных зарядов удастся обеспечить разделку корпусов и изъятие реакторных отсеков у 7—8 подлодок в год.

На момент заключения Договора СНВ-1 морские стратегические силы СССР (впоследствии России) и США имели состав, представленный в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Состав МСЯС СССР в 1991 г.

Система БРПЛ	Количество ПЛАРБ	Количество носителей	Число боеголовок на носителе	Общее число боеголовок
СС-Н-6	12	192	1	192
СС-Н-17	1	12	1	12
СС-Н-8	18	216	1	64
СС-Н-8	4	64	1	64
СС-Н-18	14	224	3	672
СС-Н-23	7	112	4	448
СС-Н-20	6	120	10	1200
ИТОГО	62	940		2804

Таблица 2

Состав МСЯС США в 1991 г.

Система БРПЛ	Количество ПЛАРБ	Количество носителей	Число боеголовок на носителя	Общее число боеголовок
Посейдон	12	192	10	1920
Трайдент-1	8	192	8	1536
Трайдент-1	12	192	8	1536
Трайдент-2	4	96	8	768
ИТОГО	36	672		5760

□ Почему Договор СНВ-2 при запрете МБР с РГЧ не запрещает наличия у сторон БРПЛ с РГЧ?

Здесь нужно иметь в виду следующее. Длительное время участники переговоров по ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ) вели дискуссии о том, следует ли считать одни виды таких вооружений **более дестабилизирующими**, другие — **менее дестабилизирующими**. Американская сторона отстаивала ту точку зрения, что такое деление СНВ правомочно и что **к наиболее дестабилизирующим вооружениям необходимо относить МБР с РГЧ**. Объяснение обычно приводится такое: одна ракета с РГЧ (скажем, с 6—10 боеголовками), находящаяся в пусковой установке, может быть уничтожена 1—2 боеголовками другой стороны. Следовательно, в кризисной ситуации сторона, имеющая в составе своих стратегических ядерных сил (СЯС) преимущественно МБР с РГЧ, будет своего рода «магнитом» для другой стороны и, зная это, будет стремиться не потерять их, ориентируясь на возможность нанесения другой стороной упреждающего удара. Иными словами, у стороны, имеющей основу СНВ — МБР с РГЧ, будет стимул запустить эти ракеты раньше, до упреждающего удара другой стороны.

Такая точка зрения имеет право на существование, хотя она и не бесспорна.

Описанная выше ситуация может рассматриваться именно так, когда речь ведется только о МБР, а не о всей триаде СЯС, когда другая сторона точно знает местоположение МБР с РГЧ (включая и мобильные МБР) или когда исключается возможность нанесения ответно-встречного удара (например, из-за невозможности или недостаточного времени для раннего предупреждения об упреждающем ракетно-ядерном нападении; морально-психологических соображений или недостаточной отработки организационных мероприятий на проведение такого удара).

Главная исходная посылка, лежащая в основе утверждения о наиболее дестабилизирующем характере МБР с РГЧ, — недостаточная живучесть этого вида стратегических вооружений. Если подходить с этой точки зрения, то живучесть БРПЛ в настоящее время считается более высокой по сравнению с МБР, и в силу этого Договор СНВ-2 не содержит запрета на БРПЛ с РГЧ.

Однако, как представляется, **следует рассматривать живучесть не какого-либо отдельно взятого вида стратегических наступательных вооружений, а СЯС стороны в целом.** В этом случае вывод о наиболее дестабилизирующем характере МБР с РГЧ не является таким очевидным.

Утверждение о дестабилизирующем характере многозарядных ракет, размещаемых в шахтах, не носит абсолютного характера. При поддержании нейтральных, а тем более партнерских отношений, эти МБР проявляют стабилизирующие свойства, удерживая стороны от сползания к кризисной конфронтации, снижая тем самым угрозу возникновения военного конфликта.

Надо также полагать, что в случае развития средств обнаружения подводных лодок, находящихся в подводном положении (снижение живучести БРПЛ), вопрос о запрете БРПЛ с РГЧ может стать весьма актуальным, поскольку подводная лодка с БРПЛ представляет более «привлекательную» цель, чем шахтная пусковая установка МБР с РГЧ. Кроме того следует иметь в виду, что большая часть подлодок постоянно находятся в базах и являются весьма притягательной целью для нанесения удара.

□ Как повлияет Договор СНВ-2 на состав стратегической авиации России?

Давая ответ на этот вопрос, необходимо отметить, что стратегическая авиация в СССР никогда не являлась существенной (и тем более доминирующей) компонентой триады СЯС. На ее долю обычно приходилось 8—10 процентов от общего стратегического ядерного потенциала. США же, особенно в первые годы ядерной эпохи, рассматривали стратегическую авиацию как основу своих СЯС (и лишь в последующем центр тяжести в США сместился в сторону морской компоненты). Такая **асимметрия структуры СЯС сторон была обусловлена как существующими различиями в геополитическом положении сторон, так и целым рядом военно-технических причин.** Все эти факторы, разумеется, не могут не действовать и в современных условиях.

С другой стороны, Договор СНВ-2 в принципе предоставляет широкие возможности для формирования различных вариантов структуры СНВ сторон.

По Договору СНВ-2 количество боезарядов, зачисляемых за каждым ТБ — будь то ядерные КРВБ дальнего радиуса действия, ракеты ближнего радиуса действия или бомбы свободного падения — равно количеству ядерных вооружений, для которого реально оснащен самолет. Это количество конкретизировано в прилагаемом к Договору Меморандуме о зачислении и будет удостоверено в ходе единовременного показа и регулярных инспекций на местах, предусмотренных соответствующими процедурами. Новшеством СНВ-2 является то, что до 100 тяжелых бомбардировщиков, которые не подлежали учету в Договоре СНВ-1 в качестве ТБ, оснащенных для ядерных КРВБ большой дальности, могут быть предназначены для выполнения неядерных задач. Такие бомбардировщики не будут учитываться с точки зрения ограничений по количеству боезарядов. Они будут базироваться отдельно от ТБ, предназначенных для выполнения ядерных задач и будут иметь поддающиеся наблюдению отличия от других ТБ данного типа, которые не переориентированы для выполнения неядерных задач. Такие ТБ могут быть вновь возвращены к своим ядерным функциям через 3 месяца после уведомления об этом, но их повторная переориентация для оснащения обычными вооружениями не разрешается.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно сделать вполне обоснованный вывод: **Договор СНВ-2, несмотря на введение принципиально важного ограничения — реального зачета всех ядерных вооружений на тяжелых бомбардировщиках, не будет оказывать заметного влияния на роль и место авиационной компоненты в структуре СНВ сторон.** Проведенный анализ целого ряда возможных вариантов состава российских СЯС показывает, что на долю авиационной компоненты в России будет приходиться примерно 15—20 процентов. В настоящее время в составе АСЯС находится 75 тяжелых бомбардировщиков: 4 — Ту-160, остальные — Ту-95 различных модификаций.

Большее влияние на состав российской стратегической авиации будут оказывать не ограничения, установленные Договором СНВ-2, а такие факторы, как устаревание парка стратегической авиации, развернутой на территории России, свертывание производства тяжелых бомбардировщиков (о чем было объявлено в 1992 г.), финансовые ограничения. Из 162 тяжелых бомбардировщиков СССР 86 размещались на территории России, 36 — на Украине, причем самых современных, 40 — в Казахстане.

Учитывая прежде всего экономические факторы, можно полагать, что **в рамках разрешен-**

ного Договором СНВ-2 общего количества боезарядов на СНВ (к 1 января 2003 г. не более 3000—3500 ед.) **число тяжелых бомбардировщиков реально может составить 20—30 ед.** (Ту-95МС, Ту-160), **несущих не более 250—300 боезарядов.** Большее количество ТБ (до 60—70 ед.), возможно, будет иметь место только в будущем при значительном улучшении экономики России.

□ *Каково соотношение усилий сторон по приведению их стратегической авиации в соответствие с требованиями Договора СНВ-2?*

Соотношение усилий сторон по приведению их стратегической авиации в соответствие с требованиями Договора СНВ-2 предопределяется тем, какое исходное количество тяжелых бомбардировщиков (ТБ) имела каждая из сторон и какое их количество стороны оставят в рамках установленных этим Договором уровней стратегических вооружений.

В этом плане на момент первоначального обмена данными (сентябрь 1990 г.) США имели 574 ТБ, по завершении сокращений СНВ до установленных Договором СНВ-1 уровней США, судя по всему, будут иметь 205—210 ТБ, а в соответствии с уровнями по Договору СНВ-2 — около 90 ТБ. Таким образом, количество ТБ, подлежащих ликвидации в США по Договору СНВ-1, составляет примерно 370 ед., а по Договору СНВ-2 — 115—120 ед. (всего — 485—490 ед.).

Однако в соответствии с СНВ-2 США смогут перевести до 100 ТБ из ядерных в неядерные. И затем осуществить обратный перевод. Для России это исключается, поскольку у нее число ТБ заведомо меньше 100.

Говоря о соотношении усилий сторон по приведению их стратегической авиации в соответствие с требованиями Договора СНВ-2 необходимо принимать во внимание то, что сама процедура ликвидации тяжелого бомбардировщика (в отличие от ликвидации МБР и их пусковых установок и тем более БРПЛ и их пусковых установок, подводных лодок) **достаточно проста, не требует длительного времени и больших финансовых затрат.**

□ *Какие структурные изменения должны претерпеть Российские ядерные силы в условиях действия Договора СНВ-2 и как они повлияют на безопасность страны?*

В этом вопросе существует довольно широкий разброс мнений. Одни утверждают, что Договор СНВ-2 позволяет сохранить сложившуюся структуру наших СЯС и, более того, в принципе он допускает все разрешенное количество боеза-

рядов разместить на МБР, поскольку устанавливает подуровень (в 1700—1750 ед.) только на боеголовки БРПЛ. Другие заявляют, что Договор СНВ-2 кардинальным образом ломает структуру российских СЯС, основу которых составляют МБР, не затрагивает структуры американских СЯС, и в этом видят главнейший недостаток Договора. Третьи, напротив, доказывают позитивный характер изменений структуры СНВ сторон, вытекающих из требований Договора.

Рассматривая этот вопрос, необходимо иметь в виду, по крайней мере, следующие важные обстоятельства.

Первое. Основу наших СЯС, как это хорошо известно, действительно составляют МБР. Около 65 процентов, считая по боезарядам, приходилось на их долю в 1990 г. — на момент первоначального обмена данными по Договору СНВ-1. Соотношения по видам СНВ сторон на тот момент приведены в табл. 3 и 4.

Таблица 3

	СССР					
	Носители			Боезаряды		
	МБР	БРПЛ	ТБ	МБР	БРПЛ	ТБ
Количество	1398	940	162	6612	2804	855
Общее количество	2500			10271		
Доля, %	56	38	6	65	27	8

Таблица 4

	США					
	Носители			Боезаряды		
	МБР	БРПЛ	ТБ	МБР	БРПЛ	ТБ
Количество	100	672	574	2450	5760	2353
Общее количество	2246			10563		
Доля, %	45	30	25	23	55	22

Второе. Договор СНВ-2 во многом базируется на положениях Договора СНВ-1, и те из них, которые не включены в тексты Договора СНВ-2, сохраняют свою силу применительно и к этому Договору. В этом плане необходимо указать на такие положения, как ограничение суммарного уровня носителей (ПУ МБР, ПУ БРПЛ, ТБ) в 1600 ед., ограничение на максимальное количество боезарядов на мобильных МБР — 1100 ед.

Третье. Структура российских СЯС в условиях действия Договора СНВ-2 во многом может предопределяться не столько требованиями самого Договора, сколько материальными и финансовыми возможностями нашей страны.

Учитывая все эти обстоятельства, сейчас вряд ли представляется возможным весьма точно обрисовать состав российских СНВ, а следовательно

но, и их структурные изменения. Тем не менее, **анализ возможных вариантов состава СНВ (пусть даже и не совсем строго соответствующих реальному составу) позволяет сделать основные принципиальные выводы.** Как представляется, на эти выводы не должны сильно влиять отличия рассматриваемых вариантов от реального состава СНВ.

Итак, рассмотрим три варианта состава российских СНВ, условно назвав их «оптимистическим» (при условии достаточного финансирования, сохранения в боевом составе до 25 подводных лодок), «умеренным» и «пессимистическим» (табл. 5). Заметим при этом, что мы не ставим цель, исходя из установленных Договором СНВ-2 правил засчета, указывать с точностью до единицы количество боезарядов на БРПЛ и ТБ (в данном случае в этом нет необходимости).

Таблица 5

Виды СНВ	Варианты (по количеству боезарядов)		
	«Оптимистический»	«Умеренный»	«Пессимистический»
МБР	1100/33%	900/37%	600/32%
БРПЛ	1750/52%	1300/53%	1100/59%
ТБ	480/15%	250/10%	50/9%
ИТОГО	3300	2450	1750

Если сравнить данные, приведенные в табл. 3 и 4, то можно сделать следующие выводы:

1) Доля МБР в составе СНВ России уменьшается, и примерно на столько же возрастает доля БРПЛ.

2) Реализация Договора СНВ-2 практически не сказывается на «удельном весе» стратегической авиации в составе российских СНВ.

3) При широком разбросе количества боезарядов в каждом виде СНВ (табл. 5) доля боезарядов каждого вида СНВ в общем количестве боезарядов достаточно стабильна.

4) Реализация Договора СНВ-2 сближает структуру российских СНВ со структурой СНВ США.

Если же теперь перейти к чисто теоретическим вариантам состава СНВ (как бы отвечая на заявления некоторых аналитиков и экспертов), то здесь могут быть такие варианты:

1. В состав СНВ входят только МБР. В этом случае весь разрешенный уровень стратегических носителей (1600 ед.) — моноблочные МБР (на долю МБР приходится 100%).

2. В состав СНВ входят МБР и БРПЛ. При общем уровне стратегических носителей — 1600 ед., боезарядов — 3000—3500 ед. и подуровне на боезаряды БРПЛ — 1700—1750 ед. доля МБР может изменяться в очень широком диапазоне, что будет определяться дальнейшими планами в области сокращения вооружений и экономическими возможностями страны.

Однако эти варианты состава СНВ носят сугубо академический характер, ибо в конечном счете суммарное количество боезарядов к 2008 г. будет не более 1500—2000 единиц.

□ Видится ли необходимость дальнейших (сверх пределов, установленных Договором СНВ-2) сокращений СНВ России и США?

Ядерные государства взяли на себя обязательства в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия вести переговоры о его сокращении вплоть до полной ликвидации. Од-

нако **путь к безъядерному миру будет длительным и нелегким, его установление возможно лишь при условии ликвидации побудительных мотивов к обладанию им, при создании надежной международной системы коллективной безопасности.** При этом необходимо иметь в виду, что в настоящее время и на обозримое будущее Россия в условиях сложного экономического положения и значительного ослабления вооруженных сил будет вынуждена сохранять определенный ядерный арсенал (как стратегический, так и тактический) в интересах обеспечения своей безопасности, поддержания концепции сдерживания.

В качестве реалистичной цели следующих этапов переговорного процесса **целесообразно обеспечить переход на уровень минимального ядерного сдерживания.** Эта цель не может быть достигнута лишь путем чисто количественного сокращения ядерных вооружений, а потребует принятия ряда мер по обеспечению живучести потенциала ответного удара.

Поэтому на первый план должны все больше выходить договоренности о мерах доверия, взаимной открытости, перестройки структуры СЯС в направлении придания им ненаступательного характера, повышения живучести. Это потребует согласованного подхода сторон к определению дестабилизирующих видов оружия, боевые возможности которых в первом ударе превосходят их возможности в ответных действиях. Так, наиболее дестабилизирующими видами СНВ в условиях кризисной ситуации являются системы с высокой концентрацией зарядов и низкой выживаемостью при ядерном ударе. Сочетание таких качеств делает их заманчивой целью для противника и создает побудительный мотив боевого использования под угрозой неминуемой потери.

Ликвидировав многозарядные МБР, обе страны оставят на вооружении многозарядные БРПЛ, когда одним ударом по подводному ракетноосцу (особенно стоящему в базе) может быть уничтожено до 200 боеголовки. Необходимо также договариваться о сокращении вплоть до полной лик-

видации крылатых ракет морского базирования. В последующих переговорах необходимо осуществить переход к подлинному ядерному разоружению, т.е. обеспечить ликвидацию не только носителей (МБР, БРПЛ, ТБ), но и самих ядерных боезарядов, что до сих пор не предусматривалось, и они оставались в арсеналах государств.

В текстах соглашений СНВ-1, СНВ-2 довольно подробно расписываются методы уничтожения носителей, однако в них не предусматривается физическое уничтожение ядерных боеголовок. Фактически это означает, **что как такового ядерного разоружения в классическом понимании этого слова до сих пор не было.** Проводя сокращения СНВ, СССР (Россия) и США могли оставлять в резерве ядерные боезаряды для последующего использования. Так, по оценкам экспертов, боеголовки ракет «Першинг-2» были повторно использованы для снаряжения основной тактической авиабомбы США В-61. Не являются исключением в этом отношении и боеголовки российских ядерных вооружений.

На будущих переговорах внимание должно быть также уделено установлению реальных запретов на средства борьбы с боевыми системами СНВ ответного удара. К ним относятся запрещение использования маневрирующих, проникающих в грунт и управляемых боеголовок ракет, ограничения на средства противолодочной борьбы, запрет на создание противоракетных средств космического базирования и т.п.

Важным условием для успеха последующих переговоров имеет сохранение Договора по ПРО в его традиционном толковании, а также разработка и внедрение в жизнь различных мер доверия между двумя странами в военно-политической и военно-технической областях.

Необходимо также учитывать наличие ядерных арсеналов у Англии и Франции, стран—союзников США по НАТО.

С учетом вышесказанного представляется, что количественные потолки ядерных боезарядов на стратегических носителях у США и России на следующем этапе переговоров могут быть согласованы на уровне 1500—2000 единиц с каждой стороны при соответствующей структурной перестройке стратегических ядерных сил.

В то же время следует учитывать особую значимость для России тактического ядерного оружия в обеспечении своей безопасности. Определенный арсенал ТЯО будет подкреплять позиции России в предотвращении локальных конфликтов на ее границах и границах ее союзников, служить средством предотвращения распространения оружия массового уничтожения и нейтрализации превосходства НАТО над Россией в обычных вооружениях.

□ *Какие задачи должен решить Договор СНВ-3?*

При подготовке предложений по содержанию Договора СНВ-3 необходимо обеспечить его преемственность по отношению к СНВ-1 и СНВ-2.

При этом основными целями переговоров в формате СНВ-3 должны быть:

- дальнейшее сокращение стратегических ядерных вооружений;
- устранение недостатков Договора СНВ-2.

Следует напомнить, что на российско-американских консультациях по Договору СНВ-2 (апрель 1992 г.) российская сторона уже тогда предложила установить верхний предел СНВ после сокращений на уровне 2000—2500 единиц в период до 2005 или 2010 г. Однако в ходе встречи в июне 1992 г. президентами России и США была подписана «Рамочная договоренность» по СНВ-2, которая устанавливала потолок для боеголовок на стратегических носителях в 3000—3500 единиц.

В ходе Хельсинкской встречи в марте 1997 г. в Совместном заявлении президентов двух стран стороны по существу вернулись к предложениям России 1992 г. об ограничении числа стратегических боеголовок на уровне 2000—2500 единиц. Само по себе установление предельного уровня боеголовок СНВ в пределахвилки 2000—2500 боезарядов не оправдано, поскольку определяющую роль играет верхнее значение.

По оценкам специалистов, возможная структура стратегических ядерных сил США будет определяться выбором верхнего уровня из возможных значений.

Так, при установлении потолка в 2500 боезарядов, США скорее всего сохранят трехвидовой состав своих СЯС. При этом они смогут иметь до 500 боезарядов на «разгруженных» МБР «Минитмен-3», 960 — на БРПЛ и 1040 — на ТБ.

Для этого им потребуется продлить сроки эксплуатации МБР, сократить до 10 число РПКСН типа «Огайо» и уменьшить с восьми до четырех число боеголовок на БРПЛ «Трайидент-2», а также завершить строительство 20 тяжелых бомбардировщиков В-2.

При проведении переговоров в формате СНВ-3 должны быть предусмотрены меры по значительному сокращению «возвратного потенциала». В случае установления уровня в 2000 боезарядов возможен переход СЯС США на двухкомпонентный состав, отказываясь от МБР, что рассматривалось уже на протяжении длительного времени. В этом варианте состава СЯС он будет повторять состав по первому варианту, но без МБР: 960 — боезарядов на БРПЛ и 1040 — на тяжелых бомбардировщиках.

При этом необходимо учитывать темпы выхода из строя средств СНВ России в результате физического устаревания и весьма ограниченных ее экономических возможностей. Это означает, что для России более приемлемым является установление потолка для числа боезарядов на более низком уровне — не более 2000 единиц. В предельном случае Россия в составе своих СЯС могла бы иметь 500—600 боезарядов на МБР, 1000—1200 — на БРПЛ, 300—400 — на ТБ. Поэтому одним из наиболее важных критериев оценки качества СНВ-3 является ликвидация «возвратного потенциала». В этом отношении при ведении переговоров следует опираться на Хельсинкские договоренности, которые создают предпосылки для решения этой проблемы.

Эксперты также обращают внимание на то, что в Хельсинкском Совместном заявлении предусматриваются ограничения именно на количество ядерных боезарядов. При этом они указывают, что в договорах СНВ-1 и СНВ-2 не предусмотрен тип боезарядов, на которые устанавливаются ограничения.

В принципиальном плане недопустимость вести засчет только по числу **ядерных** боезарядов определяется следующими причинами:

- во-первых, имеется реальная возможность размещать на МБР и БРПЛ наряду с ядерными боеголовками также и высокоточные боеголовки в обычном снаряжении;
- во-вторых, при «разгрузке» МБР и БРПЛ создается возможность размещать на ракетах неядерные боеголовки взамен снимаемых ядерных.

Так, в условиях выполнения СНВ-3 возможно разместить на носителях значительное количество неядерных боеголовок: «Минитмен-3» — 1 ядерная и 2 неядерные (500+1000 боеголовок); БРПЛ «Трайдент-2» — 4 ядерных и 4 неядерных (960+960 боеголовок); на В-52 — 12 ядерных и 8 неядерных КР (792+528 боеголовок); В-1В — 16 неядерных КР (всего 148 КР на 93 ТБ); В-2 — 16 неядерных КР (320 ракет на 66 бомбардировщиках).

В совокупности это означает, что на стратегических носителях суммарно может быть размещено 6548 боезарядов при засчете по Договору 2252 единицы.

Вышесказанное означает, что в ходе переговоров об СНВ-3 необходимо предусмотреть меры, не допускающие увеличения числа боезарядов на носителях за счет боеголовок в обычном снаряжении.

При ведении переговоров необходимо исходить из того, что продолжение процесса сокращения СНВ объективно соответствует интересам

как России, так и США. Однако при этом стороны преследуют несколько иные долгосрочные цели.

Для США приоритетным является обеспечение необратимости процесса ликвидации российских многозарядных, особенно тяжелых ракет, и создание тем самым более благоприятных условий для развертывания эффективной национальной ПРО.

Для России главной целью СНВ-3 является снижение финансового бремени на содержание своих СЯС и приведение их в соответствие с реальными военными потребностями и экономическими возможностями страны.

Следует также иметь в виду большую заинтересованность России в подписании Договора СНВ-3, в то время как для США наиболее важным моментом является ратификация и вступление в силу Договора СНВ-2. При ратификации Россией СНВ-2 США могут с успехом использовать метод затягивания переговоров об СНВ-3 для того, чтобы добиваться наиболее выгодных для себя условий. В данном случае время будет на стороне США.

Очень важным моментом является создание и обеспечение действенности механизма подготовки важнейших военно-политических решений, который бы создавал гарантии от повторения грубых ошибок при заключении международных договоров в весьма чувствительной для России военной сфере.

□ *Каковы возможности сторон по наращиванию (восстановлению) потенциала своих стратегических ядерных сил при выходе из Договора СНВ-2?*

Отметим сразу: говорить о возможности наращивания (восстановления) потенциала СЯС имеет какой-то смысл, если речь идет о достаточно небольшом временном отрезке. В противном случае **при выходе какой-либо из сторон из Договора обе стороны никакими ограничениями связаны не будут**. Итак, будем иметь в виду короткий промежуток времени после прекращения действия Договора СНВ-2. Кроме того, будем иметь в виду и то, что Договор СНВ-2 дает право сторонам уменьшать количество боезарядов только в отношении существующих типов МБР и БРПЛ и при том не более чем на пять боеголовок на каждой такой ракете. Каковы же у сторон в этих условиях возможности по наращиванию своих СЯС?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо знать реальный состав СНВ сторон, оставшийся после реализации Договора СНВ-2. Вполне понятно, что в **сложившихся условиях на выбор состава этих вооружений, особенно в том,**

что касается России, влияет целый ряд известных факторов экономического, политического и военного характера. Поэтому примем один из ряда возможных вариантов состава СНВ сторон, соответствующий ограничениям Договора СНВ-2 и предусматривающий возможность понижения числа боезарядов на баллистических ракетах.

Предположим, Россия сохранит в боевом составе 360 мобильных моноблочных МБР РС-12М (СС-25), сохранит 105 МБР РС-18 (СС-19), оставив на них вместо шести по одной боеголовке, а также разместит 90 моноблочных ракет в переоборудованных шахтных ПУ (от ракет СС-18).

В военно-морском флоте Россия в лучшем случае сможет оставить шесть подводных лодок (ПЛ) типа «Тайфун» — 120 ПУ (720 боеголовок, по шесть, вместо десяти, боеголовок на каждой БРПЛ РСМ-52) и семь ПЛ «Дельфин» — 112 ПУ (448 боеголовок, по четыре боеголовки на каждой БРПЛ РСМ-54).

Группировка СНВ США могла бы включать: 500 МБР «Минитмен-3» (по одной боеголовке вместо трех), 18 ПЛ типа «Огайо» — 432 ПУ (1728 боеголовок, по четыре боеголовки вместо восьми на каждой БРПЛ «Трайдент-2»).

Таким образом, **в рассматриваемом варианте в предельном случае общее число боеголовок находящихся на МБР и БРПЛ у России, могло бы составить 1720 ед. (возможное наращивание — 1005 боеголовок), у США соответственно — 2228 ед. (возможное наращивание — 2728 боеголовок).**

Однако России вряд ли удастся сохранить такой состав РПКСН и в этом случае ее «возвратный потенциал» составит 505 боезарядов, возвращаемых на ракеты СС-19.

Однако необходимо учитывать, что предусмотренное Протоколом продление срока действия Договора СНВ-2 разрешает в период с 2003 до 2008 года, ракеты, подлежащие ликвидации, содержать в шахтах со снятыми боеголовками. Это по существу переводит их в категорию «возвратного потенциала» и позволяет за счет этого дополнительно включить в него несколько сотен головок в пределах гарантийных сроков МБР. Таким образом размеры «возвратного потенциала» России будут определяться не столько требованиями Договора СНВ-2, сколько физическим состоянием стратегических вооружений. Это позволяет несколько сгладить один из наиболее серьезных недостатков СНВ-2, который рассматривался как одно из главных препятствий на пути его ратификации.

Если же рассматривать всю триаду СЯС, то США на тяжелых бомбардировщиках (ТБ) могли бы разместить все недостающее до 3500 ед.

количество боезарядов, установленное Договором СНВ-2, варьируя при этом (в том числе и с целью сохранения парка стратегической авиации) возможностью перевода для выполнения неядерных задач 100 тяжелых бомбардировщиков, оснащенных для ядерных вооружений, не являющихся ядерными КРВБ большой дальности. При этом Договор СНВ-2 допускает и обратную одностороннюю переориентацию ТБ — для выполнения ядерных задач (то есть восстановление ядерного потенциала). Возможности России в области переориентации ТБ попросту отсутствуют.

Однако следует подчеркнуть весьма важное обстоятельство: разговоры о возможности восстановления носят в большей мере теоретический характер. Дело в том, что заранее невозможно определить, когда это восстановление потребуется и потребуется ли оно вообще. Заранее не зная этого, для любой стороны было бы довольно накладно обеспечивать сохранение и эксплуатацию относительно большого «резервного» (на случай восстановления) количества боеголовок. Но даже имея это количество боеголовок, нельзя быть уверенным в том, что при любом развитии ситуации этим «резервом» можно воспользоваться. И наконец, поставим вопрос так: имеет ли решающее значение тот факт, что вместо 3500 боезарядов одна сторона с учетом возможности восстановления будет иметь, скажем, 4500, а другая — 6000 боезарядов? С военной точки зрения такое соотношение сил вряд ли будет решающим. Здесь, скорее всего, **ставка может делаться на то, что если сторона не отказалась от действий с «позиции силы», она может попытаться использовать свое преимущество в политических целях.**

□ *В чем значение Хельсинкских договоренностей о дальнейших шагах в области ядерного разоружения?*

В марте 1997 г. в Хельсинки состоялась встреча президентов России и США. Лидеры двух стран предприняли определенные шаги по разблокированию ситуации, сложившейся вокруг СНВ-2. В ходе встречи были учтены озабоченности России и принят ряд положений, устраняющих некоторые недостатки Договора. В Совместном заявлении лидеров двух стран объявлялось о продлении предельного срока ликвидации стратегических носителей ядерного оружия до 31 декабря 2007 г., что облегчает экономическую нагрузку для России, позволяет полнее использовать гарантийные сроки эксплуатации носителей. Стороны также договорились о том, что после ратификации СНВ-2 они немедленно приступят к переговорам о договоре СНВ-3, в формате которого будет предусмотрено предельное количество боеголовок 2000—

2500 единиц. Это количество содержалось в предложениях российской стороны еще в период переговоров по СНВ-2, но было отвергнуто представителями США. В СНВ-3 должны быть предусмотрены меры по увеличению транспарентности имеющихся в наличии стратегических ядерных боеголовок и ликвидации снимаемых с носителей. Это направлено на устранение «возвратного потенциала», предотвращение быстрого на-

рацивания количества боезарядов на носителях. Президенты также согласились с тем, что в контексте следующих переговоров будут рассмотрены возможные меры, касающиеся крылатых ракет морского базирования большой дальности и тактического ядерного оружия. К настоящему времени состоялись первые встречи экспертов двух стран, направленные на подготовку переговоров в формате СНВ-3.

4. Военно-экономические аспекты реализации Договора СНВ-2

□ В чем состоят экономические проблемы СНВ-2?

В отличие от прежних соглашений в области разоружения, таких как ОСВ-1, ОСВ-2, РСМД, СНВ-1 экономические проблемы, связанные с выполнением Договора СНВ-2, выходят на первый план. Такое смещение акцента объясняется, с одной стороны, беспрецедентными масштабами предстоящих сокращений вооружений (в три раза по сравнению с уровнем 1991 г.), а с другой стороны, кризисным состоянием российской экономики. **Выполнение соглашения потребует больших финансовых средств на ликвидацию средств СНВ, а также на производство новых образцов оружия взамен выслуживших гарантийные сроки эксплуатации.** Однако независимо от Договора ликвидация сроков СНВ в результате их физического устаревания и окончания гарантийных сроков эксплуатации потребует больших расходов, чем в ходе выполнения СНВ-2. В результате физического устаревания средств СНВ из состоящих ныне в боевом составе вооружений к 2003 г. останутся в строю не более 10—12 РПКСН («Тайфун» и «Дельта-4»), 300—400 МБР (в основном «Тополь» и частично СС-18 и СС-19), 40—50 ТБ. В лучшем случае на вооружении российских СНВ к 2008 г. останется примерно 1500—2000 боезарядов.

Особенно большие затраты Россия будет вынуждена нести в связи с ликвидацией атомных подводных лодок. В ближайшие годы предстоит демонтировать 140 подлодок, на которых размещается около 250 атомных реакторов. Сложность задачи по разделке высокопрочных корпусов, изъятию реакторных отсеков и их захоронению, извлечению отработанного реакторного топлива и его транспортировке на радиохимические заводы определяет чрезвычайно высокую стоимость ликвидации АПЛ. В качестве примера масштабов предстоящих затрат укажем, что только извлечение и транспортировка топлива из одного реактора, по оценкам специалистов, обходится в

сумму, превышающую 1 млн. руб. (в ценах 1997 г.). Ориентировочная стоимость утилизации одной атомной подлодки составляет 25—30 млн. руб. На выведенных из боевого состава, но еще находящихся на плаву АПЛ, необходимо поддерживать нормальные условия для обеспечения безопасного состояния реакторов. Для выполнения этой задачи необходимо содержать 30—40% личного состава экипажа лодки. Затраты на содержание такой подлодки, уже не влияющей на уровень боеспособности МСЯС, достигают 5 и более млн. руб. в год.

Значительные затраты необходимы также и для ликвидации ракетного вооружения. Помимо расходов на транспортировку, обезвреживание и разделку ракет, серьезной проблемой является утилизация жидкого и твердого ракетного топлива, для чего требуется создание соответствующих технологических установок. Определенную помощь в ее решении могут оказать американские установки для гидрогенезации чрезвычайно токсичного гептила и размывания с помощью водяной струи твердотопливных зарядов ракетных двигателей, которые США обещали поставить России. Определенную экологическую нагрузку представляет уничтожение шахтных пусковых установок методом взрыва.

Весьма дорогостоящим мероприятием является демонтаж ядерных боеголовок. О масштабах предстоящих затрат можно судить хотя бы по тому, что стоимость демонтажа одной ядерной боеголовки составляет от 10 до 15 тыс. долл. (по оценке Минатома РФ), а всего предстоит ликвидировать 15—18 тыс. тактических и стратегических ядерных боеприпасов.

Сложное экономическое положение России в области разоружения усугубляется еще и тем, что практически в этот же период времени предстоит ликвидировать 40 тыс. т химических отравляющих веществ, на что по оценкам разных экспертов, требуется 6—8 млрд. долл.

Одновременно России предстоит решать задачу по поддержанию своих стратегических и тактических ядерных сил на уровне, обеспечивающем сдерживание любого потенциального агрессора. Для этого требуется ежегодно поставлять в войска определенное количество образцов вооружения взамен выводимых из боевого состава в результате физического устаревания.

И хотя в ходе и особенно после проводимых сокращений их потребуется значительно меньшее количество, чем прежде, тем не менее затраты на эти цели — немалые. Для сравнения приведем примерную стоимость аналогичных вооружений США. Строительство подводного ракетносца обходится в 1 млрд. долл., одной МБР типа МХ — 40—50 млн. долл., одного тяжелого бомбардировщика — около 300 млн. долл. Даже учитывая, что затраты в России на создание вооружений в 1,5—2 раза ниже, чем в США, расходы на ликвидацию СНВ и перевооружение российских СЯС будут измеряться десятками миллиардов рублей. **Приведенные ориентировочные цифры достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в настоящее время и в ближайшем будущем экономические факторы будут оказывать решающее влияние на состав и структуру российских СЯС, на ее военно-техническую политику.**

□ *Каковы способы ликвидации подлежащих сокращению СНВ, предусмотренные Договором СНВ-2?*

Ликвидация ракетных систем

По Договору СНВ-1, развернутые БРПЛ и большинство развернутых МБР могут быть сняты с вооружения либо путем уничтожения пусковых установок (шахтных для стационарных МБР, подвижных для мобильных МБР и пусковых секций БРПЛ), либо путем переоборудования этих установок с тем, чтобы они могли использоваться только для пуска другого типа разрешенных ракет. Единственным исключением являются тяжелые МБР СС-18; по Договору СНВ-1, ликвидация 154 развернутых СС-18 должна быть осуществлена путем уничтожения, а не переоборудования пусковых шахт.

По Договору СНВ-2, эти правила остаются в основном без изменений. Основным исключением остаются все те же СС-18. Девяносто шахтных пусковых установок могут быть переоборудованы с тем, чтобы они могли быть использованы только для пуска МБР, оснащенных одним боезарядом, которые относятся к типу СС-25. В Договоре предусмотрены особые процедуры, включая инспекции на местах, с тем, чтобы эти переоборудованные шахтные пусковые установки не могли снова быть использованы для пуска

тяжелых МБР. Остающиеся 64 шахтные пусковые установки по этому Договору, подлежат уничтожению.

В обмен на право сохранить до 90 переоборудованных шахтных пусковых установок СС-18 Договор требует не позднее 1 января 2003 г. уничтожить все развернутые и неразвернутые ракеты СС-18 и пусковые контейнеры. В этом состоит главное отличие от положений Договора СНВ-1. В целом, Договор СНВ-1 не преследовал цели уничтожения ракет. Но в рамках СНВ-2 российская сторона согласилась уничтожить все ракеты СС-18, как развернутые, так и неразвернутые. Это полностью соответствует давнейшей цели США ликвидировать все тяжелые МБР.

В соответствии с Протоколом к СНВ-2 о продлении срока действия Договора разрешается сохранить ракеты в шахтах до 31 декабря 2007 г., однако со снятыми с них боеголовками.

Ликвидация БРПЛ

Ликвидация пусковых установок БРПЛ осуществляется в местах ликвидации и подлежит контролю национальными техническими средствами. Процесс ликвидации считается начавшимся, как только подводная лодка размещена в месте ликвидации, при этом все ракетные шахты должны быть пустыми, а крышки люков ракетных пусковых шахт должны быть открыты или удалены. Процесс ликвидации пусковых установок БРПЛ включает в себя удаление ракетного отсека, разрезание пусковых ракетных шахт на две приблизительно равные части, которые остаются под открытым небом вблизи от подводной лодки до завершения процесса ликвидации. Протоколом о ликвидации пусковых установок БРПЛ предусматривается возможность использования подводных лодок (без пусковых шахт) в целях, не противоречащих положениям Договора СНВ-2.

Ликвидация тяжелых бомбардировщиков

Протоколом к СНВ-2 предусмотрен порядок ликвидации тяжелых бомбардировщиков. Процесс ликвидации ТБ считается начавшимся как только хвостовая часть с оперением отрезана от фюзеляжа в месте, не являющимся узлом соединения. После осуществления этой процедуры тяжелый бомбардировщик перестает подпадать под ограничения, предусмотренные Договором СНВ-2. Плоскости отделяются от фюзеляжа в любом месте, оставшаяся часть фюзеляжа разрезается на две части в месте, не являющимся узлом соединения. Тяжелый бомбардировщик остается доступным для наблюдения национальными техническими средствами контроля в течение всего процесса ликвидации.

□ *Возможна ли реализация Договора СНВ-2 Россией к 2003 году?*

Если принять во внимание реальное положение дел с техническим и финансовым обеспечением процесса ликвидации российских стратегических вооружений, то можно сделать вывод о практической невозможности выполнения Договора СНВ-2 к предусмотренному сроку (к 2003 г.).

На дату вступления в силу Договора СНВ-1 в составе российских СНВ насчитывалось около 10000 ядерных зарядов, 2500 носителей. Для выполнения обязательств по Договору СНВ-1 России необходимо за семилетний срок уничтожить около 3000 ядерных зарядов и примерно 1100 носителей. Это, в свою очередь, требует ликвидации около 200 наземных шахтных пусковых установок, нескольких десятков ПЛАРБ, их пусковых установок и — что особенно важно — активных зон ядерного топлива, жидких и твердых радиоактивных отходов, обеспечения транспортировки, хранения и утилизации до сотни тысяч тонн высокотоксичных компонентов жидкого ракетного топлива, а также ядерных боеприпасов с соблюдением, разумеется, всех необходимых мер экологической и ядерной безопасности.

Россия располагает двумя базами ликвидации МБР (Пибаньшур и Суроватиха) и одной базой ликвидации БРПЛ (Пашино). В ходе ликвидации вооружений в связи с Договором СНВ-1 уже на первом этапе этого процесса выявился ряд проблем: на базах ликвидации жидкостных МБР образовались значительные сверхнормативные запасы ракетного топлива из-за отсутствия достаточного количества спецхранилищ; не хватает хранилищ для жидких и твердых радиоактивных отходов и перевалочных баз для отработавшего ядерного топлива атомных реакторов подводных лодок; недостаточно свободных площадей в спецхранилищах для размещения снимаемых со стратегических ракет ядерных боезарядов. Решение этих проблем требует соответствующего финансирования. Однако практика финансового обеспечения процесса ликвидации СНВ показывает, что в связи с переживаемыми Россией экономическими трудностями средства выделяются с задержкой и в существенно меньших, чем требуется, размерах. По этим же причинам медленно реализуются программы обеспечения экологической безопасности процессов ликвидации ядерных боеприпасов.

Поэтому для России чрезвычайно важной является договоренность о продлении срока выполнения Договора до 31 декабря 2007 г., предусмотренная Протоколом, подписанным в Нью-Йорке в сентябре 1997 г. Это позволяет с одной сто-

роны снизить экономическую нагрузку на ближайшие годы, а с другой — обеспечить более благоприятное для России соотношение сил с США в стратегической области на указанный период.

□ *Заинтересована ли Россия в оказании ей помощи со стороны США в ликвидации подлежащих сокращению ее СНВ?*

Вопрос следует разбить на две части.

Первое: есть ли у России заинтересованность в получении материальной помощи со стороны США в ликвидации СНВ безотносительно к объемам и срокам договорных мероприятий по ликвидации СНВ? Очевидно, есть. По программе Нанна — Лугара и заключенным в ее развитие межведомственным российско-американским соглашениям Россия получает определенную помощь от США в части обеспечения процессов транспортировки, хранения и безопасности ликвидируемых ядерных боеприпасов.

Второе: заинтересована ли Россия в получении от США помощи, обусловленной ускорением процессов ликвидации российских СНВ, как это предусмотрено в пункте 6 статьи I существующего текста Договора СНВ-2 (т.е. выполнением всех требований Договора СНВ-2 не к 1 января 2003 г., а к концу 2001 г.)? Однозначный ответ на этот вопрос: нет, не заинтересована.

По сравнению с обычным («неускоренным») вариантом Договора СНВ-2, по его ускоренному варианту Россия была бы вынуждена к 2000 г. увеличить объем ликвидационных мероприятий примерно на 200 МБР, существенно ускорить процессы переоснащения 105 МБР РС-18 на один боезаряд и переоборудования под моноблочные ракеты шахтных пусковых установок тяжелых ракет РС-20. Непомерно обострятся проблемы обеспечения транспортировки и хранения утилизируемых ядерных боеприпасов и жидкого ракетного топлива, строительства ликвидационной инфраструктуры на объектах военно-морского флота. По оценкам специалистов, необходимые для этого дополнительные ассигнования не могут быть выделены, и процесс взаимного сокращения стратегических вооружений России и США превратится в одностороннее разоружение России, с нанесением значительного ущерба экономике и безопасности страны.

□ *В чем состоят экологические аспекты Договора СНВ-2?*

По оценкам специалистов, при заключении Договора СНВ-2 экологические проблемы недостаточно были решены участниками переговоров. Эти проблемы усугубились тем, что России предстоит практически одновременно с СНВ-2 осу-

ществить довольно сложную работу по ликвидации больших арсеналов химического оружия. Все это вместе взятое приводит к значительному увеличению экологически опасных работ, которые должны быть выполнены в довольно сжатые сроки.

В связи с этим обращают на себя внимание некоторые процедуры технологических процессов, предусмотренные Договором. Это, в частности, относится к ликвидации многозарядных ракет, при которой необходимо удалить из них весьма токсичное горючее — гептил, имеющее предельно допустимую концентрацию не более 0,1 мг/м³. Положение усугубляется тем, что в настоящее время отсутствуют эффективные методы ликвидации гептила при соблюдении экологических требований и в объемах, необходимых при выполнении Договора СНВ-2 в установленные сроки. Расчеты показывают, что для решения этой задачи необходимы темпы его переработки порядка 2000 т в год. При этом необходимо иметь в виду, что в России отсутствуют хранилища временного содержания больших запасов гептила. Была достигнута договоренность с США о поставках технологических линий для гидрогенизации гептила, однако ее выполнение затянулось по вине американской стороны.

Несмотря на отработанность технологии сохраняется потенциальная экологическая опасность работ по демонтажу ядерных боеголовок. Необходимость демонтажа значительного количества стратегических и тактических боеголовок (до 2000 ежегодно) предъявляет серьезные требования к содержанию и хранению в жестко регламентированных условиях расщепляющихся ядерных материалов, снимаемых с них.

Если сравнительно несложно решается проблема утилизации оружейного урана путем разбавления его природным ураном и изготовление из него тепловыделяющих элементов (ТВЭЛов) для реакторов АЭС, то гораздо сложнее положение с плутонием. В настоящее время его практическое использование неопределенно: изготовление уран-плутониевого МОХ-топлива для реакторов на быстрых нейтронах (бридерах) или

смешивание с радиоактивными отходами АЭС, остекловывание и захоронение в могильниках образовавшейся массы. А до практического решения проблемы плутония, весьма токсичного вещества, его придется хранить в специально строящемся уникальном подземном хранилище на Урале при химкомбинате «Маяк». Хранение 1 грамма плутония обходится около двух долларов в год.

Еще более экологически опасным является демонтаж атомных подводных лодок. Из реакторов должно быть извлечено отработавшее ядерное топливо, обладающее большой радиоактивностью, изъяты жидкие радиоактивные отходы, вырезан реакторный отсек. Отработавшее ядерное топливо отправляется в специальных железнодорожных контейнерах на химкомбинат для последующей переработки, жидкие радиоактивные отходы сливаются в специальные отстойники, реакторные отсеки помещаются в подземные хранилища.

Все этапы этого процесса являются потенциально чрезвычайно опасными и требуют помимо всего прочего необходимого финансово-экономического обеспечения.

Следует отметить, что научно-технические предпосылки для создания соответствующих технологий в России имеются, о чем свидетельствуют конкретные факты, изложенные в отзывах специалистов-экологов, участвовавших в экспертизе.

Результаты анализа Договора СНВ-2 с позиций экологической безопасности свидетельствуют о том, что необходимо добавление к нему в качестве неотъемлемой части специального документа, излагающего обязательства по выполнению комплекса экологических мероприятий. В их число должны войти разработки технологий утилизации (ликвидации) сокращаемых средств СНВ, организация специального экологического мониторинга, экологического аудита, экспертизы баз, арсеналов, полигонов и предприятий, выделенных для проведения запланированных работ. Естественно, все эти работы должны быть соответствующим образом профинансированы Сторонами, по возможности на взаимовыгодной основе.

5. Влияние отношения сторон к Договору по ПРО на судьбу Договора СНВ-2

□ *Возможно ли выполнение Россией Договора СНВ-2 при создании в США территориальной системы ПРО?*

Почти одновременно с ратификацией США Договора СНВ-2 Конгресс принял поправки к бюджетному посланию на 1996 г. об ассигнованиях на развертывание работ по тактической ПРО и обеспечение возможности развертывания начи-

ная с 2003 г. национальной территориальной системы ПРО наземного базирования.

В ближайшем будущем нельзя исключить возможность развертывания системы ПРО, которая будет носить ограниченный характер. Она будет способна противостоять атаке сравнительно небольшого количества ракет, исчисляемой единицами или десятками боеголовок. На сегодняшний

США, создав на своей территории систему ПРО и развернув несколько таких комплексов, смогут прикрыть от ограниченного ракетно-ядерного удара практически всю страну.

день нерешенными остаются некоторые научно-технические проблемы ПРО, например, распознавание ядерных боеголовок на фоне ложных целей в заатмосферном пространстве. Создание эффективной системы противоракетной обороны от массированного удара ракет противника остается задачей отдаленного будущего. Ее решение, как это показали многочисленные исследования по программе СОИ, невозможно без создания космического эшелона, наносящего поражение ракетам на активном участке траектории. При этом следует признать, что создание широкомасштабной глубоководной ПРО территории страны остается стратегической линией США. Выдвижение идей и практические действия по созданию систем Джи ПАЛС (система защиты от ограниченных ударов), ПРО ТВД (театра военных действий) являются лишь определенными этапами на пути достижения главной цели. Эти системы в стратегическом плане не опасны сами по себе, но на их базе будет разрабатываться (и уже ведется разработка) системы ПРО территории США.

Поэтому одной из основных ближайших задач России при ведении переговоров с США является недопущение развертывания ими ПРО, по крайней мере до тех пор, пока Россия будет не в состоянии нейтрализовать создавшийся дисбаланс с помощью ответных мер.

Развернув на территории США несколько наземных комплексов, американцы осуществят прикрытие от ограниченного ракетно-ядерного удара практически территории всей страны. **При ответном ударе, который наиболее вероятен исходя из основных положений нашей военной доктрины и фактического состояния наших СЯС, систем управления и СПРН, нанести неприемлемый ущерб по критерию Макнамары становится проблематичным**, так как в ответном ударе число непораженных зарядов может составить не более 500—700. С учетом указанных выше характеристик системы ПРО количество зарядов, доставленных к целям, не превысит 100—180. Таким образом, **условно требуемый потенциал сдерживания в случае развертывания американцами национальной ПРО территории страны не выдерживается**. В то же время критерий Макнамары является чрезвычайно завышенным и США вряд ли пойдут на нанесение первого удара и в

случае гарантированной доставки к их 25 крупным городам с населением более полумиллиона человек всего нескольких десятков боеголовок.

В этой связи выполнение Россией Договора СНВ-2 при создании в США территориальной ПРО приведет к нарушению нашего потенциала сдерживания, а следовательно к понижению уровня национальной безопасности.

□ **Возможна ли ратификация Россией Договора СНВ-2 без конкретных обязательств сторон по соблюдению Договора по ПРО 1972 года?**

Договор об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО) 1972 г. считается одним из самых эффективных соглашений в области контроля над вооружениями. Этот Договор позволяет России и США активно вести процесс радикальных сокращений СНВ. **По мере уменьшения ядерных арсеналов в России и США роль Договора по ПРО существенно возрастает**. При относительно высоких уровнях остающихся на вооружении боезарядов, предусмотренных Договором СНВ-2, и особенно СНВ-3, при развертывании США эффективной территориальной ПРО они станут иметь значительное силовое превосходство. Следовательно, с военной точки зрения такое возможное **нарушение Договора по ПРО, очевидно, приведет к слому сложившегося стратегического равновесия по СНВ и подрыву требуемого потенциала сдерживания**.

В преамбуле Договора СНВ-2 стороны заявили о том, что они учитывают свои обязательства по Договору по ПРО 1972 г. Как показали дальнейшие шаги американцев, они имели в виду обязательство по ограничению ПРО против стратегических баллистических ракет.

В этой связи строгое соблюдение всех положений Договора по ПРО и особенно отказ от планов создания ПРО территории страны или национальной ПРО, как американцы называют такую систему, является непременным условием ратификации Договора СНВ-2.

В сентябре 1997 г. в Нью-Йорке министры иностранных дел России, Украины, Белоруссии, Казахстана и США подписали ряд документов в отношении Договора по ПРО. Одним из основных положений, зафиксированных в этих соглашениях, является подтверждение приверженности сторон Договору по ПРО. Это является определенной гарантией того, что США пока не намерены идти на прямые нарушения этого Договора. Однако есть еще и другой путь к заветной цели — постараться его обойти. Это и вызвало к жизни проблему разграничения стратегической и нестратегической ПРО, которая в последнее время вышла на одно из первых мест в отношениях

между Россией и США. Подписанные в Нью-Йорке соглашения о разграничении не решают полностью задачу предотвращения создания системы тактической ПРО, обладающей определенными стратегическими возможностями. Тем не менее они предусматривают ряд положений, которые могут серьезно затормозить ход работ в этом направлении.

□ *Существуют ли пути нахождения сторонами компромисса в отношении Договора по ПРО, не препятствующего реализации ими Договора СНВ-2?*

Твердые намерения американцев добиться внесения изменений в Договор и разработать ограниченную ПРО с возможным последующим выходом из этого Договора требуют поиска вариантов адекватного реагирования России, которое позволяло бы предотвратить развитие событий в неблагоприятных для нее направлениях.

Любой вариант создания системы национальной ПРО США невыгоден России, поскольку подрывает стратегическую стабильность.

В США под национальной системой ПРО понимается система обороны территории страны, в первую очередь от ограниченных случайных или несанкционированных ударов БР.

В настоящее время окончательного решения о структуре и оперативном построении национальной ПРО США не принято. Рассматриваются два варианта, различающиеся по критерию соответствия Договору по ПРО.

Первый вариант, поддерживаемый МО, предполагает создание ограниченной ПРО в рамках Договора по ПРО с внесением в него соответствующих изменений. Этот вариант предусматривает использовать инфраструктуру системы ПРО Сейфгард позиционного района МБР Гранд-Форкс с необходимым ее усовершенствованием и дополнительным строительством РЛС дальнего обнаружения на территории США и повышением характеристик противоракет и возможным увеличением числа районов базирования перехватчиков.

Второй вариант предполагает фактический выход США в районе 2003 г. из Договора по ПРО и поддерживается американским Конгрессом.

Концептуально он изложен в принятом Конгрессом законопроекте об ассигнованиях МО на 1996 г. В состав национальной системы ПРО с начальной оперативной готовностью должны войти: несколько позиций противоракет дальнего

перехвата баллистических целей; несколько РЛС с дальностью обнаружения баллистических целей до 5000 км; несколько КП противоракетного комплекса.

Таким образом вариант МО США создает «мягкое» нарушение Договора по ПРО. Это нарушение выражается в размещении дополнительных РЛС, в том числе на Гавайях. Хотя формально этот архипелаг входит в состав США, но является не периферией страны, а заморской территорией.

□ *Как решается проблема разграничения стратегической и тактической ПРО?*

Договор по ПРО ограничивает развертывание систем ПРО, предназначенных для борьбы со стратегическими баллистическими ракетами, одним районом обороны. Накладывается ряд ограничений и на компоненты системы ПРО. Это запрещение на создание мобильных и быстро перезаряжаемых ПУ и ряд других. Вместе с тем **Договор по ПРО не ограничивает разработку и создание систем ПРО, предназначенных для борьбы с тактическими БР**. Несмотря на то, что в Договоре не дается определения тактической ПРО, в нем предусматривается ряд мер, исключая возможность создания стратегической системы ПРО на базе систем, предназначенных для перехвата баллистических ракет меньшего радиуса действия.

Непосредственным импульсом для усиления внимания к ПРО ТВД послужила война в зоне Персидского залива. Именно здесь впервые были развернуты в массовом масштабе противоракетные комплексы «Пэтриот», которые оказались малоэффективными в борьбе с морально устаревшими ракетами типа «Скад». Это привело к интенсификации работ по созданию более эффективных систем нестратегической ПРО. В настоящее время в США отрабатывается целый ряд противоракетных систем. К ним относятся: «Пэтриот» ПАК-3, который представляет усовершенствованный вариант «Пэтриот»; система обороны территории морского базирования (Navy Area Defense), основанная на широком использовании компонентов корабельной системы ПВО «Иджис» с ракетами «Стандарт»; усовершенствованная система «Хок», состоящая на вооружении корпуса морской пехоты. Анализ характеристик этих систем показывает, что они предназначены для перехвата ракет малой дальности и не представляют реальной угрозы для стратегических ракет.

Одновременно проводятся работы по созданию систем, способных обеспечивать перехват ракет большой дальности: система ТХААД, которая представляет собой мобильный противора-

кетный комплекс наземного базирования, предназначенный для перехвата ракет за пределами атмосферы; система обороны театра военных действий морского базирования (Navy Upper Tier), основанная на использовании РЛС системы «Иджис» и модифицированного перехватчика системы ТХААД; системы перехвата ракет противника на активном участке траектории наземного, морского и воздушного базирования. В перспективных системах ПРО наряду с традиционными средствами предполагается использование мощного химического лазера, установленного на борту «Боинга» 747. США планируют ввести в боевой состав партию из 7 «Боингов» к 2008 г. Эта система уже будет обладать определенными возможностями по перехвату МБР и БРПЛ на их активном участке траектории.

В 1993 г. были начаты переговоры о разграничении стратегической и нестратегической (тактической) ПРО. Первоначально делегация США настаивала на принятии такого правила, чтобы каждая сторона обладала правом самостоятельно определять принадлежность той или иной системы ПРО к разряду стратегических или тактических. Однако в этом вопросе российская сторона твердо заявила «нет».

Эта стратегическая цель США диктовала тактику поэтапного решения частных задач. На первом этапе — за счет либерализации требований на тактическую ПРО придать противоракетным системам определенную способность перехватывать стратегические ракеты так, чтобы, не нарушая Договор по ПРО, заложить основы национальной противоракетной обороны.

На втором этапе, используя определенные военно-политические условия, объявить о выходе США из Договора и в короткий срок завершить строительство национальной ПРО. Ее создание является стратегической линией США.

При этом делегация США настаивала на принятии основного критерия разграничения: система ПРО может быть отнесена к стратегической только в том случае, если она испытана против стратегических ракет. Если не испытана — значит система тактическая и не подпадает под ограничения Договора, несмотря на ее, быть может, высокие потенциальные возможности в стратегическом плане.

Несмотря на определенные трудности в ходе переговоров, постепенно удалось добиться согласования параметров разграничения низкоскоростных систем, которые не могут быть превышены при создании и испытании таких систем или их элементов. Значительные сложности при согласовании позиций сторон проявились в ходе обсуждения параметров высокоскоростных нестра-

тегических систем ПРО, обладающих наибольшими потенциальными возможностями в борьбе со стратегическими ракетами и в развертывании которых США заинтересованы в наибольшей степени.

Делегации двух стран не смогли преодолеть противоречий и к концу 1996 г. переговоры практически зашли в тупик.

□ В чем состоит значение документов, подписанных в Нью-Йорке в сентябре 1997 года?

В ходе Хельсинкской встречи президентов России и США в марте 1997 г. наряду с проблемами разграничения систем ПРО обсуждались предложения России о продлении срока выполнения Договора СНВ-2, об открытии переговоров в формате СНВ-3, о присоединении России к семи ведущим государствам мира. Подписание совместных заявлений позволило разблокировать ситуацию, сложившуюся на переговорах. 26 сентября 1997 г. были подписаны соглашения по разграничению систем ПРО, а также меморандум о правопреемстве в отношении Договора по ПРО.

Меморандум о правопреемстве Договора по ПРО устанавливает, что Сторонами Договора являются Россия, США, Белоруссия, Казахстан, Украина, которые принимают на себя права и обязательства по этому соглашению.

Максимальная скорость перехватчиков таких систем не должна превышать 3 км/сек. Установление такого критерия определяется тем, что он фактически фиксировал уже достигнутые в настоящее время основные параметры систем ПВО.

Стороны заявили об отсутствии у них планов проведения испытаний перехватчиков наземного и воздушного базирования со скоростью свыше 5,5 км/сек и перехватчиков морского базирования со скоростью выше 4,5 км/сек. В первом и втором заявлениях установлены жесткие ограничения на условия проведения испытаний: максимальная скорость ракеты-мишени не должна превышать 5 км/сек, а ее дальность полета — не более 3500 км, что соответствует основным параметрам ракет средней дальности.

Подписанное соглашение зафиксировало важные принципы, которыми должны руководствоваться стороны в ходе разработки и при оценке разрабатываемых систем ПРО ТВД и условий их возможного применения.

Во-первых, разрабатываемые системы не должны создавать реальной угрозы СЯС другой стороны и не испытываться в этих целях. Во-вторых, создаваемые системы ПРО не должны развертываться для применения друг против друга. В третьих, развертывание систем ПРО ТВД по их количественному составу и географическому

размещению должны соответствовать реальной угрозе от нестратегических ракет третьих стран. Этими принципами надлежит руководствоваться при рассмотрении сторонами каждой конкретной военно-политической ситуации, оценке реальности угроз и методов ее парирования.

Географическое размещение российских МБР, их удаленность от возможного нахождения американских перехватчиков наземного и воздушного базирования делают возможность их уничтожения на активном участке траектории маловероятной. В этом отношении большую опасность для России должны представлять перехватчики морского базирования. Однако в соответствии с достигнутыми договоренностями США, например, юридически не имеют права размещать свои авианосцы с перехватчиками таким образом, чтобы угрожать российским БРПЛ.

Следует также обратить внимание на обязательства сторон не испытывать и не развертывать элементы ПРО в космосе — в том числе и противоракетное оружие на новых физических принципах.

В документах, подписанных в Нью-Йорке, зафиксированы обязательства сторон в отношении приверженности Договору по ПРО, который остается «краеугольным камнем стратегической стабильности». Пакет документов, подписанных в Нью-Йорке, подлежит ратификации парламентами, после чего он приобретает международно-правовой характер, подлежащий неуклонному исполнению.

В то же время следует признать, что эти документы не решают всех проблем, связанных с предотвращением создания в США стратегической ПРО.

При этом известно, что некоторые из них будут обладать определенной способностью противостоять стратегическим ракетам. Следует заметить, что установление значений предельных скоростей перехватчиков имеет значительное, но отнюдь не решающее значение. Гораздо большую роль играют информационно-разведывательные компоненты систем, особенно космического базирования: средства обнаружения ракет, их сопровождения, выделения боеголовок на фоне ложных целей. Объединение нестратегической системы ТХААД с такой информационно-разведывательной системой придаст ей новое качество, повысит способность противостоять стратегическим ракетам. Подписанные соглашения не препятствуют подобному объединению систем ПРО.

Рассматривая содержание подписанных соглашений, следует признать справедливость утверждения о том, что дипломатия есть искусство возможного. Не следует забывать, что на этих пере-

говорах стороны выступали в разных весовых категориях: за спиной США огромная экономическая и военная мощь, у России — кризисная экономика и находящиеся в тяжелом положении Вооруженные Силы. Если раньше в ответ на СОВСЕ СССР мог противопоставить эффективные ответные меры, то в настоящее время Россия вынуждена в наибольшей степени полагаться на меры политического и дипломатического характера.

□ *Каково влияние Российской системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) на состав и функционирование СЯС?*

Договор СНВ-1 был заключен в 1991 г., когда стратегические оборонительные системы СССР, в том числе СПРН, обладали высокой надежностью и обеспечивали выполнение возложенных боевых задач, а следовательно, и безопасность страны совместно с СЯС с высокой эффективностью.

Система предупреждения о ракетном нападении в то время осуществляла контроль за районами старта МБР на территории США и обнаружение БР в полете со всех ракетаопасных направлений, за исключением северо-восточного, и обеспечивала своевременное предупреждение о ракетном нападении высшему руководству страны для принятия ответных мер. В соответствии с планами СПРН динамично развивалась, наращивая свои боевые возможности за счет ввода новых РЛС с более высокими обнаружительными характеристиками. После распада СССР большинство РЛС предупреждения (6 из 9) оказались за пределами национальной территории России в других государствах, некоторые из которых отрицательно относятся к присутствию этих РЛС на их территории. Например, руководство Латвии ограничило срок работы РЛС СПРН в Скрунде 1998 г. Следовательно, после 1998 г. кроме северо-восточного ракетаопасного направления неприкрытым оказалось и очень опасное северо-западное ракетаопасное направление.

Отсутствие возможности провести замену старых РЛС в Мукачево и Севастополе, практически выработавших свой ресурс, из-за экономических и правовых трудностей еще больше осложняет положение с боеготовностью СПРН в будущем. Россия на правах аренды использует Габалинскую РЛС, расположенную на территории Азербайджана, и вблизи Балхаша (Казахстан), ведется строительство РЛС дальнего обнаружения в Барановичах (Белоруссия).

Частично компенсировать снижение возможностей планируется за счет повышения характеристик космической компоненты СПРН. Однако космическая группировка разведывательных спутников значительно ослаблена и не может в пол-

ной мере обеспечить требуемые характеристики и предупреденческие возможности СПРН в целом. Таким образом, **внутри главной военной системы СПРН — СЯС, являющейся основной сдерживающей структурой от развязывания крупномасштабной войны, нарушается необходимое информационное взаимодействие по полноте и качеству информации предупреждения.** Для восстановления потенциала сдерживания в этих условиях необходим более глубокий структурный анализ предусмотренных Договором СНВ-2 сокращений стратегических ударных вооружений. Это прежде всего потребует обратить особое внимание на состав мобильных ракетных комплексов в группировке российских СЯС, а также БРПЛ, обладающих повышенной живучестью в случае внезапного удара.

Один из вариантов состава СЯС с учетом реального состояния СПРН и перспектив ее развития, а также других факторов, может выглядеть следующим образом:

- на МБР — до 300 боезарядов на мобильных моноблочных ракетах типа «Тополь-М» и до 200 боезарядов на моноблочных ракетах шахтного базирования РС-12М (СС-25);

- на БРПЛ — до 1000—1200 боеголовок на 10—12 РПК СН типа «Тайфун», «Дельта-IV» и ПЛАРБ новой серии;
- на ТБ — до 200 боезарядов.

Всего в этом варианте при условии достаточного финансирования Россия могла бы иметь к 2008 г. в боевом составе СЯС до 1500-2000 боезарядов и боеголовок.

В любом случае при нынешнем уровне ассигнований на развитие СЯС количество боезарядов будет меньше 2000. В то же время в США будет на МБР — до 500 боезарядов на 500 ракетах «Минитмен-3» в ШПУ; 1728 боеголовок на 14 ПЛАРБ «Огайо» с ракетами «Трайидент» и на ТБ — 1250 боезарядов. Всего 3478 боезарядов. При этом для США в случае их выхода из Договора СНВ-2 условия возврата боеголовок на носители носят облегченный характер. **Все эти внешние и внутренние факторы повышают ответственность военно-политического руководства России за создание группировки СЯС оптимального состава, позволяющего сохранить при любой ситуации необходимый потенциал сдерживания.**

6. Влияние других военно-политических факторов на реализацию Договора СНВ-2

□ *Каково влияние ядерных средств передового базирования на соотношение сил США и России?*

После ликвидации ракет средней и меньшей дальности возросло значение тактических ядерных вооружений. В настоящее время основу ТЯО составляет авиация наземного и морского базирования, способная доставлять к целям авиабомбы и крылатые ракеты. Существовавшие до последнего времени ядерные артиллерийские снаряды и боеголовки тактических ракет США и Россия обязались ликвидировать в соответствии с объявленными в сентябре—октябре 1991 г. односторонними заявлениями. На вооружении фронтовой авиации США состоят истребители-бомбардировщики F-111 с радиусом действия 840 км, способные доставить к целям по 3 ядерные авиабомбы В-61 мощностью (с переключателем) от 0,3 до 170 кт. Наиболее массовым тактическим носителем является истребитель-бомбардировщик F-16 с радиусом действия 930 км, оснащенный одной бомбой В-61. На вооружении авианосной авиации и авиации морской пехоты состоят штурмовики А-6Е с радиусом 1250 км, несущие по 3 бомбы В-61 и многоцелевые самолеты F/A-18 с

радиусом 850 км, оснащенные двумя такими же бомбами. Следует учитывать, что **США имеют 12 авианосных соединений, которые могут быть оперативно переброшены в различные районы мирового океана и нанести ядерные удары с помощью палубной авиации.**

На вооружении тактической авиации России находятся истребители-бомбардировщики МиГ-27, Су-17, Су-24 с радиусом действия 300—600 км. Они способны доставить к целям по две авиабомбы мощностью до 350 кт. В состав морской авиации входят самолеты Ил-38, Ту-142, Бе-12 с радиусом от 600 до 1700 км. Эти самолеты оснащаются двумя ядерными бомбами. Российские ВВС имеют также самолеты среднего радиуса Ту-16, Ту-22, Ту-26. Россия провела испытания новой оперативно-тактической ракеты. Возможно, что в ближайшие годы она поступит на вооружение сухопутных войск взамен ракетного комплекса «Ока», ликвидированного в ходе выполнения Договора о РСМД.

Корабли и подлодки как США, так и России могут вооружаться крылатыми ракетами, торпедами и бомбами с ядерными боеголовками мощностью в десятки и сотни килотонн, которые в

настоящее время, в соответствии с взаимными обязательствами двух стран, сняты с кораблей и складированы на базах.

Приведенные характеристики образцов ТЯО показывают, что **деление ядерных вооружений на стратегические и тактические является весьма условным**. В качестве основного критерия разграничения была выбрана их дальность действия. Оценивая боевые возможности ТЯО, приходится констатировать, что большей частью оно на самом деле является стратегическим, но размещенным на тактических носителях. Такое утверждение основывается на том, что в ходе боевых действий оно способно решать задачи стратегического масштаба. Если сравнить многие образцы ТЯО по их поражающему действию с некоторыми системами стратегического оружия, то можно увидеть, что, например, тактические авиабомбы США и России по своей мощности сравнимы с боеголовкой МБР «Минитмен-2» (170 кт) и превосходят стратегическую боеголовку БРПЛ «Посейдон» (40 кт).

До сих пор основным средством сдерживания эвентуального противника являлись стратегические ядерные силы. Это было полностью справедливо для периода холодной войны, когда стратегическая стабильность базировалась на так называемом «центральном противостоянии» СССР и США. Однако **по мере снижения уровня военной конфронтации между Россией и США роль «центрального противостояния» заметно снизилась**. В то же время **возросла угроза развязывания региональных конфликтов, распространения оружия массового поражения и ракетных технологий**, что особенно чувствительно для России и ее союзников, вблизи границ которых образовался пояс нестабильных, а порой и недружественных государств и стран — тайных соискателей оружия массового поражения.

ТЯО в силу особенностей геостратегического положения России имеет для нее гораздо большее военно-политическое значение, чем для США. Американское ТЯО — это оружие для войны на экспорт. Поэтому для России вряд ли является целесообразным ориентироваться на симметричный состав ТЯО по отношению к США. Состав и структура тактических ядерных сил должны определяться интересами национальной безопасности и экономическими возможностями России. Следует учитывать, что в отличие от стратегических вооружений, у которых основным предназначением является сдерживание, а если оно не сработало, то — **возмездие, ТЯО, сохраняя также сдерживающую роль, может выполнять функцию отражения агрессии**. В отличие от обычных вооружений, у которых сдерживающая функция реализуется в условиях превосход-

ства или примерного равенства боевых возможностей сторон, ядерное оружие обеспечивает сдерживание потенциального агрессора от нападения даже при его значительном превосходстве. Наглядный пример: Карибский кризис (у США 5100 боеголовок, у СССР — 300).

По мнению зарубежных военных специалистов, в настоящее время США имеют в Европе около 500 тактических авиабомб и крылатых ракет воздушного базирования малой дальности, которые размещены на территории семи государств. В случае угрозы военного конфликта США смогут довольно быстро перебросить в Европу значительное количество ТЯО, вернуть его на корабли своих ВМС.

Специалисты Российского военно-морского флота провели исследования различных моделей возможных боевых действий с участием флотов России и США. Полученные результаты свидетельствуют о том, что, в условиях оснащения надводных и подводных кораблей тактическим ядерным оружием, боевые возможности двух сторон примерно равны.

Снятие ТЯО с кораблей создало принципиально иную ситуацию, в которой отмечается практически подавляющее превосходство военно-морских сил США, не оставляющее российскому флоту никаких шансов на победу.

Поэтому взаимные, симметричные обязательства США и России в отношении ТЯО имеют отнюдь не равное значение для двух сторон в случае военного конфликта между ними. Примерно такая же ситуация характерна и при оценке результатов боевых действий сухопутных войск с использованием ТЯО и без него.

Этим объясняется такая значительная трансформация взглядов военно-политического руководства США в отношении тактического ядерного оружия: от отказа в ведении переговоров о его сокращении в годы холодной войны до настойчивых усилий по радикальным сокращениям арсеналов ТЯО, предпринимаемых США в последнее время.

□ *Как изменится роль ядерных сил России в случае расширения НАТО на Восток?*

Не подлежит сомнению тот факт, что под прикрытием рассуждений о повышении уровня безопасности в Европе делаются попытки укрепить геостратегическое положение США и стран Западной Европы за счет расширения блока НАТО на восток вопреки геополитическим интересам России.

В случае принятия в НАТО стран Балтии, Центральной и Восточной Европы вооруженные силы НАТО придут в непосредственное сопри-

косновение с вооруженными силами России и ее союзников. **Особую опасность при этом будет представлять ядерное оружие, размещенное на территории этих стран, которое в этом случае приобретет характер стратегического оружия.** Заявления высших политических руководителей Польши, Чехии, Словакии, Венгрии и некоторых других стран о готовности разместить на своей территории ядерное оружие НАТО свидетельствуют о серьезности намерений в этом отношении. Вряд ли у кого-либо есть сомнения в том, против кого будет направлено это оружие.

Как известно, в период холодной войны в разные годы на территории Европы размещалось несколько тысяч (до 7 тысяч в 70-е гг.) единиц американских тактических ядерных боеприпасов. Наряду с чисто политическими причинами, которые обеспечивали США решающее влияние в НАТО, существовали и военные.

Оперативно-стратегические расчеты, проведенные НАТО в начале 50-х годов, показали, что для отражения массированного наступления советских войск (175 дивизий по их оценкам) необходимо иметь 96 дивизий большего количественного состава. В экономическом отношении это было неподъемным для стран Запада. Размещение мощной группировки американского ТЯО на территории стран НАТО позволяло сократить потребное количество дивизий до 30. Что и было в конечном счете сделано. Ныне ситуация в Европе повторяется с точностью до наоборот: теперь российское ТЯО призвано компенсировать превосходство НАТО в обычных вооружениях.

В сентябре 1991 г. президент США Дж. Буш неожиданно выступил с инициативой о радикальных сокращениях ТЯО. Он объявил, что США вывезут на свою территорию все ядерные артиллерийские снаряды, боеголовки тактических ракет и ликвидируют их, снимут все ТЯО с надводных кораблей, многоцелевых подлодок, а также базирующейся на суше морской авиации. Должны быть сняты все ядерные ракеты «Томагавк» с кораблей и атомные бомбы с авианосцев. Значительная часть боеголовок морского базирования будет демонтирована. В то же время он предупредил, что США «сохранят эффективный ядерный потенциал воздушного базирования в Европе».

Отвечая на инициативу Буша, Горбачев заявил о планах радикального сокращения ТЯО СССР. Впоследствии эти планы были развиты в заявлении Б. Ельцина «О политике России в области ограничения и сокращения вооружений» от 29 января 1992 г. В нем указывалось, что в России прекращено производство ядерных арснарядов и боеголовок для ракет наземного базирования, а все запасы таких боезарядов будут

уничтожены. Россия снимет все ТЯО с надводных кораблей и многоцелевых подлодок, ликвидирует одну треть их, а также половину боеголовок для зенитных ракет и авиационных боеприпасов. По оценкам западных экспертов, после запланированных сокращений в арсеналах ТЯО у России и США останется по 2500—3000 боезарядов.

Неожиданное изменение позиции США в отношении сокращения ТЯО объясняется несколькими причинами. Непосредственным импульсом для проявления инициативы американского президента послужили драматические события в СССР в августе 1991 г. Возникла реальная угроза образования на месте СССР нескольких независимых ядерных государств. Особую опасность в этом отношении представляло наиболее многочисленное, сравнительно миниатюрное и размещенное на территории всех республик тактическое ядерное оружие. Была весьма опасной перспектива появления нескольких новых ядерных государств, отличающихся к тому же нестабильной внутренней ситуацией. Следует отметить, что Генеральный штаб ВС предпринял решительные меры и, несмотря на сопротивление руководства Украины, к июню 1992 г. все ТЯО было перебазировано в Россию.

Главным условием, повлиявшим на изменение США к проблеме ТЯО, явилось коренное изменение в соотношении сил в Европе, произошедшее к тому времени. Бархатные революции в странах Восточной Европы, объединение Германии, вывод советских войск с территории этих стран создавали принципиально новую ситуацию на континенте, особенно в военно-стратегической области. Распад СССР и подписание Договора об обычных вооружениях в Европе (ОАВСЕ) обеспечивает, при его выполнении, еще большее превосходство сил НАТО над Россией. По оценкам экспертов, оно составит примерно 3:1. В этих условиях сдерживающая от агрессии с востока роль американского ТЯО выглядела явным реликтом холодной войны.

При этом вряд ли приходится сомневаться в том, что **в складывающихся новых геополитических условиях стратегическая стабильность в Европе еще длительное время будет определяться соотношением сил сторон.** Бывшие союзники СССР по Варшавскому Договору и страны Балтии стали настойчиво добиваться принятия их в НАТО, что еще больше усилит военно-силовой дисбаланс на континенте.

В связи с этим перед Россией встает весьма актуальный вопрос о том, каким образом наиболее целесообразно девальвировать образовавшийся дисбаланс, как нейтрализовать возможное приближение американского ТЯО к границам Рос-

сии и ее союзников? Вряд ли следует увязывать предложение об отказе от ратификации Договора СНВ-2 с планами расширения НАТО.

Именно ТЯО, обладающее высокими показателями по критерию «эффективность-стоимость» может служить своего рода уравнителем сил сторон, лишаящим НАТО военного преимущества.

Поэтому будет целесообразным предусмотреть в качестве ответных мер на расширение НАТО на восток следующие реальные шаги в военной области:

- новая нарезка театров военных действий (ТВД) и создание соответствующих оперативно-стратегических группировок войск;
- пересмотр односторонних обязательств России в отношении сокращения и ликвидации ТЯО;
- создание группировок ТЯО в соответствии с новыми геополитическими реалиями;
- возвращение ТЯО на корабли военно-морского флота, в частности, Балтийского, и ряд других мер военного характера. В то же время существует возможность нахождения компромиссного политического решения.

Такое предложение было выдвинуто Президентом России в ходе встречи в Москве глав восьми ведущих государств мира в апреле 1996 г. по проблемам ядерной безопасности.

Основное содержание этого предложения сводилось к тому, что ядерное оружие должно быть возвращено всеми государствами в пределы своих национальных территорий. После завершения вывода ядерного оружия с территории Украины и Белоруссии на чужой территории остается только ядерное оружие США. Напомним, что на сегодняшний день американское ТЯО размещается на территории семи европейских государств (Бельгии, Греции, Турции, Италии, Нидерландов, Германии, Англии) (около 500 единиц).

Выполнение этого требования создаст благоприятные условия для реализации предложения о создании безъядерной зоны в Центральной и Восточной Европе. В состав этой безъядерной зоны могли бы войти четыре страны Вышеградской группы, Белоруссия, Украина, Молдавия, Румыния, Болгария.

Создание такой зоны могло бы снять часть озабоченности России планами расширения НАТО и в то же время создало бы гарантии безопасности странам Центральной и Восточной Европы, укрепило бы международный режим нераспространения ядерного оружия.

□ *Почему расширение НАТО противоречит коренным геополитическим интересам России?*

Общеизвестно, что российская общественность обеспокоена тем, что к границам России могут

быть выведены в короткие сроки, по существу внезапно, опасные для нас группировки вооруженных сил. Этот факт, в сочетании с ослаблением ядерной мощи России и с реализацией Договора СНВ-2 в таком виде, как он подписан, а также реальное ослабление оборонного потенциала составляет угрозу национальной безопасности России.

На многочисленных мероприятиях, проводимых руководством блока, начиная с его январской 1994 г. сессии, настойчиво доказывается необходимость принятия в свой состав новых членов. Основной мотивацией этого шага, на наш взгляд, является стремление **абсолютизировать роль блока НАТО как якобы единственного гаранта безопасности Европы.** Идет активная обработка общественного мнения, особенно в Российской Федерации, с целью доказать его якобы стабилизирующую роль в новой обстановке. В то же время натовские руководители рекомендуют не отказываться от политики противостояния с преемницей бывшего СССР — Россией, «как потенциально враждебной военной державой».

В двери НАТО настойчиво стучатся вчерашние члены Организации Варшавского Договора: Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Румыния, Болгария. Направили официальные запросы на вступление в НАТО Албания, а также Латвия, Литва и Эстония. Прогнозируется возможность вступления в перспективе в этот альянс Украины. **К границам России стремятся продвинуться не совместные экономические структуры создания, а инструменты войны, разрушения, в виде военных группировок, ядерных вооружений и всего того, что создает материальную основу всякой войны.** Это должно позволить НАТО держать Россию в кольце окружения на сухопутье и на море, диктовать ей свои условия сосуществования.

Какие же угрозы безопасности России создаются в случае расширения НАТО на Восток?

В военно-стратегическом плане выход НАТО непосредственно к границам России на широком фронте от Балтики до Черного моря послужит генератором идей по пересмотру сухопутных и морских границ со странами СНГ, а со временем — может привести и к изменению характера прежних добрососедских отношений. Прозрачные и дружественные границы могут стать вновь «передним краем». Не исключено, что в перспективе возможно охлаждение отношений России с Западом, усиление военного дискомфорта, что вынудит ее в интересах обеспечения своей безопасности встать на путь увеличения своей военной мощи и возврата к противостоянию с НАТО.

Для России предпочтительнее, чтобы вакуум безопасности по периметру СНГ был бы заполнен нейтральными государствами (Финляндия)

дия, Прибалтийские государства, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния, Болгария), **что послужило бы буфером безопасности на долгосрочную перспективу.**

С другой стороны, увеличение состава участников Североатлантического союза приведет к значительному возрастанию его боевого потенциала на восточноевропейском направлении. На континенте вновь возникнет дисбаланс сил в пользу единственного мощного суперблока. Количество обычных вооружений, которое окажется в совокупности в военной организации НАТО, превысит уровни достаточности для обороны, создаст потенциал для внезапного нападения, подорвет Договор об обычных вооруженных силах в Европе.

Количество обычных вооружений и вооруженных сил, которое окажется в совокупности в военной организации НАТО, превысит уровни достаточности для обороны, подорвет значение договора об обычных вооруженных силах в Европе.

Группировки войск НАТО получают полную возможность укрепиться у границ России на длительную перспективу. В геополитической обстановке, в которой оказалась Россия, уже сегодня стратегические подступы к ее жизненно важным центрам оголены, но пока все-таки существует нейтральное предполье из государств — бывших участников ОВД, некоторых нейтральных стран и бывших республик СССР.

Особенно тяжелый ущерб наносится России как морской державе. **При вступлении в НАТО Прибалтийских и Причерноморских стран будет существенно ограничена деятельность российского Военно-Морского флота в Баренцевом море, на Балтике и на Черном море.** В частности, Балтийский флот России в этом случае потеряет свободу маневра, окажется окончательно запертым в районе Санкт-Петербурга. Тогда как **Североатлантический союз получит существенные военные преимущества, освоив стратегически выгодные военно-морские базы на территориях стран вступивших в блок.** У НАТО появится возможность контролировать оставшиеся морские «окна» России.

Антироссийская направленность расширения блока НАТО видна невооруженным глазом, начиная от вектора этого расширения — на Восток и кончая характером и содержанием сотрудничества с Россией в рамках так называемой программы «Партнерство во имя мира». Реально эта программа не обеспечивает гарантий безопасности

ее участникам, зато она является весьма удобным прикрытием для военного присутствия США на территориях стран распавшегося Варшавского Договора, положила начало распространению влияния на них, подогревая антирусские настроения. Одной из целей программы «Партнерство во имя мира» является **окончательное вытеснение России с рынков торговли оружием как крайне неудобного конкурента, предлагающего товар более высокого качества.** В случае принятия восточноевропейских стран в НАТО, должен последовать всеобъемлющий переход их вооруженных сил, оснащенных советскими оружием и военной техникой, на вооружения западного производства. Тем самым, по оборонной промышленности России будет нанесен новый разрушающий удар.

Время, прошедшее после завершения совместных с армией США военных учений на территории России, проведенных в рамках «Партнерства», так щедро разрекламированных, позволяет сделать вывод о сомнительной их пользе для нашей армии. Да и чему она могла научиться там? С другой стороны, будущим новым членам НАТО достаточно бесцеремонно рекомендуется, например, в проведении своей кадровой политики назначать на командно-штабные должности офицеров, прошедших подготовку в США и других государствах — членах НАТО. Примечательно, что согласно заявлениям представителей минобороны всех стран Восточной Европы — бывших членов ОВД, новые режимы осуществили двух-трех разовую смену военных кадров с целью «вывода своих вооруженных сил» из-под «коммунистического влияния», угождая будущему «хозяину».

Новые политические режимы в странах — участницах распущенного Варшавского Договора уже провели двух-трех разовую замену основных командных кадров, в надежде вывести свои армии из-под «коммунистического влияния».

Все это может привести к тому, что чрезмерная настойчивость руководства НАТО к распространению и усилению своего влияния на европейские страны, стремительное поглощение выгодных стратегических рубежей и наращивание военных мускулов у границ нестабильного государства с разваленной экономикой не окажет устрашающего воздействия на его граждан, тем более — не будет спокойно восприниматься ими. **Атмосфера осажденной крепости объединит россиян крепче, чем многочисленные заверения и документы об общественном согласии.** Анализ собственно военной стороны дела позволяет так-

же высветить и другие неблагоприятные для безопасности России перспективы, которая, как известно, очень часто подвергалась нападениям извне в «смутное для нее время» и практически не была готова к их отражению. В данном случае не следовало бы предавать забвению трагические уроки истории.

В чем же причины, побуждающие НАТО пренебрегать интересами России и осуществлять расширение блока? В докладе руководства НАТО, в том числе Генерального секретаря, постоянно подчеркивается, что задачи НАТО в перспективе будут определяться *«рядом важнейших вопросов: единство, сотрудничество, партнерство и расширение НАТО; предотвращение конфликтов и преодоление кризисов...»* Упор в политике делается на сохранение «единства», которое уже стало восприниматься как дежурная фраза. Однако здесь проблема значительно сложнее. В былые времена единство блока обеспечивалось страхом перед «коммунистической агрессией». Теперь же этот консолидирующий фактор отсутствует, и **закономерно возникает сомнение в целесообразности суммирования общих дорогостоящих усилий против несуществующего врага.** Исчез основной побудительный мотив, определявший судьбу военной организации. Это, на наш взгляд, вынуждает НАТО активизировать поиск новых видов своей деятельности, оправдывающей его дальнейшее существование.

Блоку НАТО потребовалось срочно подтвердить свою необходимость, и не только в европейском масштабе. Для этого используются страх перед «непрогнозируемой Россией», «чеченский кризис», присвоение себе миротворческих функций ООН в бывшей Югославии. Расширение блока НАТО, являющегося детищем «холодной войны», которому не сопутствует уточнение или корректировка его политических задач, означает совершенствование тех структур безопасности в Европе, которые имели милитаристскую основу и приоритетное использование военной силы при решении спорных проблем. При этом делаются настоячивые попытки распространить деятельность НАТО за пределы блока, использовать военную силу без санкции Совета Безопасности ООН.

Ратификация Договора СНВ-2 должна быть поставлена в прямую зависимость от отказа от политики расширения блока НАТО и совершенствования милитаристских основ безопасности 1в Европе.

Кроме того, неоднозначное отношение к этому военно-политическому союзу в условиях отсутствия устойчивой стабильности, наличия нерешенных территориальных проблем у восточноевропейских государств, увеличит вероятность возникновения вооруженных конфликтов, создаст побудительные причины для применения военно-силовых способов решения сложных политических проблем.

Однако геополитическая обстановка на Европейском континенте изменилась. Усилилась экономическая интеграция, возрастает необходимость согласования и учета общеевропейских интересов, ослабла военная конфронтация, что требует новых подходов к созданию более эффективной структуры взаимоотношений стран Европы и обеспечения их коллективной безопасности, что без активного и полноправного участия России достичь невозможно.

Анализ процессов развития международных отношений за последние три года показывает, что идеи расширения НАТО отодвинули в сторону и оставили нерешенными ряд важных мировых проблем. Среди них — проблема разоружения, особенно ядерного, вопросы, связанные с прекращением испытаний и созданием новых его видов, анализ ранее заключенных договоров и уточнение обязательств по ним в целях обеспечения равной безопасности, проблемы противоракетной обороны и др.

Интересы национальной безопасности России требуют, чтобы она выступила инициатором в разработке и создании новой общеевропейской структуры коллективной безопасности, с участием в ней всех стран Европы без каких-либо ограничений.

7. Договор СНВ-2: новые условия для ратификации

Со времени подписания Договора СНВ Стонами прошло уже шесть лет, и геополитическая обстановка для России, а также ее внутреннее положение существенно изменились. По этой причине на нынешнем этапе ряд его положений не соответствует национальным интересам нашей страны и, естественно у общественности, в том

числе у законодателей, возникли сомнения о целесообразности его ратификации в том виде, в котором он был подписан.

Однако, обобщая высказывания ряда независимых экспертов, депутатов Федерального Собрания РФ, можно сказать, что положения Договора несмотря на определенные недостатки по своей

Договор СНВ-2 по его международно-правовому значению и военно-стратегической роли в безопасности России является весьма важным документом.

значимости для сохранения мира и спокойствия на земле, международному правовому значению и военно-стратегической роли в обеспечении безопасности России в условиях экономического кризиса является весьма важным документом и в целом заслуживает ратификации.

Однако сущностная сторона изменений, особенно в соотношении сил Сторон по обычным вооружениям и вооруженным силам, новые взгляды и наметившиеся практические действия по проблемам противоракетной обороны, состояние экономики России на сегодняшний день и в ближайшей перспективе по обеспечению выполнения СНВ-2, **настойчивая деятельность западных государств во главе с США по расширению НАТО, ущемление интересов России в ряде положений Договора, касающихся уничтожения наиболее развитых у нас ядерных средств, требует уточнения и, видимо, дополнительного согласования.**

В то же время необходимо учитывать и некоторые благоприятные для ратификации Договора моменты. Это касается некоторых положений Хельсинкских договоренностей, Протокола о продлении действия СНВ-2 до 31 декабря 2007 г., пакеты соглашений о разграничении стратегической и нестратегической ПРО.

Российская Федерация, как и любое другое государство, строя планы на будущее, не может забывать о своей безопасности. Только в условиях безопасности могут успешно развиваться экономика, наука, культура, обеспечиваться благоденствие народа.

Необходимо также учитывать то, что Россия в геополитическом плане — великая держава глобального масштаба. Нынешние экономические и социальные трудности не уничтожат ее величия. Теоретически можно сконструировать мир без России, но даже в самой фантастической комбинации ее влияние не может не учитываться. Ее величие определяется размерами территории и численностью населения, богатыми природными ресурсами, духовной и нравственной силой народа, его интеллектуальным потенциалом, патриотизмом, заслугами перед мировой цивилизацией в избавлении от гибели в критические периоды недавнего и далекого исторического прошлого. Такова реальность.

Занимая основной массив Евразийского материка, Россия всегда была и остается объектом притязаний различных сил с Запада и Востока. На протяжении всей ее истории прослеживаются постоянные попытки разорвать целостность России, разделить ее на слабые, не способные к самостоятельному политическому существованию государственные образования. Не секрет, что и в наше время территориальные претензии к России в различных формах предъявляются едва ли не по всему периметру ее границ с традиционным и новым зарубежьем. Не может не вызывать определенных опасений и политика США и НАТО в отношении России.

Сегодня мало кто сомневается в том, что государственный эгоизм, определяемый особенностями геополитического положения, стремление каждого государства обеспечить прежде всего собственное процветание являются нормой международной жизни. С этих позиций следует рассматривать инициативу США и НАТО по реализации программы «Партнерство ради мира».

Программа «Партнерство ради мира» в контексте реализации Договора СНВ-2 Россией продиктована не заботами США о ее благополучии, а стремлением укрепить свое геополитическое положение в Европе.

При этом следует обратить внимание на то, какая роль отводится в этой программе России, насколько соответствует эта роль ее геополитическому статусу, и в какой мере приемлема она для нашего народа? От ответа на них во многом зависит будущее Российской Федерации. В поисках ответа на эти вопросы надо отметить, что модные в одно время идеи приоритета «общечеловеческих ценностей» и интересов, а также призывы построить «общеевропейский дом», обнаружили свою полную несостоятельность.

Следовательно, необходимо отдавать себе отчет, что инициатива США и НАТО продиктована далеко не альтруистическими заботами в отношении России, а стремлением укрепить свое господствующее положение в Европе. Как показывает опыт прошлого, стратегическая бдительность России всегда нужна. Сколько бы ни убаюкивали нас красивыми словами о партнерстве, никто никогда не откажется от своих геостратегических и экономических интересов, в том числе и за счет России. Собственные интересы в межгосударственных отношениях имеют приоритетное значение, всегда были и будут выше любых заверений о дружбе и сотрудничестве.

Россия после выполнения Договора СНВ-2 может получить некоторые морально-этические и экономические выгоды, но иллюзии в отношении того, что Запад стал последовательным миротворцем, противоречат национальным интересам России.

В целом, программа «Партнерство ради мира» нацелена на военную интеграцию Западной и Восточной Европы под эгидой НАТО. Между тем сколько бы ни говорили об активизации военно-политической деятельности, направленной на развитие сотрудничества, любое совершенствование и усиление военных структур создает дополнительные барьеры на пути к миру, свободному от оружия и войн. Кроме того, если удастся, например, создать общеевропейскую военную организацию, то неизбежно возникнет вопрос, кого и от кого она должна защищать. Вопрос далеко не праздный, так как уже в наши дни поведение НАТО в Югославии и Ираке показывает готовность и возможность его соперничать с ООН, намного превосходя ее по реальной военной мощи. Подобная конкуренция влечет за собой самые серьезные последствия для дела мира. **«Партнерство ради мира» не гарантирует безопасности его участников.** Более того, ни в одной из восьми статей этой программы не упоминается о ее соотношении с ядерными вооружениями.

В свете высказанных соображений можно сделать вывод о том, что в случае ратификации Договора СНВ-2 Россия может получить некоторые морально-этические и экономические выгоды, но питать иллюзии в отношении того, что Запад стал последовательным миротворцем, значит, забывать о собственных национальных интересах. В последние годы произошли существенные сдвиги в оборонном потенциале России. Процессы сокращения ядерных и обычных вооружений на основании ранее заключенных договоров и соглашений, несколько снизили возможности сторон по взаимному нанесению внезапных ударов в количественном отношении, однако темпы производства и замены устаревших российских МБР и БРПЛ являются настолько низкими, что говорить о равном количественно-качественном балансе стратегических ядерных сил России и США в ближайшие годы не приходится. **Возникла острая проблема обеспечения боевой готовности ядерных сил России в целом. В еще более худшем состоянии находятся обычные вооружения, особенно высокоточные средства поражения и другая военная техника, производство которой связано с использованием высоких технологий и**

новых физических принципов. Спад производства в экономике, отсутствие финансирования военно-промышленного комплекса и российской науки создали огромные трудности для решения задач по обеспечению военной безопасности страны.

В то же время США и НАТО стремятся максимально использовать последствия кризиса в странах СНГ, Югославии, некоторых государствах Восточной Европы. Проводится политика, направленная на приспособление этого блока к создавшимся реальностям.

Наращивание военного потенциала НАТО осуществляется прежде всего за счет качественного совершенствования оружия и военной техники, а также расширения сфер влияния путем включения в состав НАТО ряда государств Центральной и Восточной Европы, Прибалтики. Так называемая «Новая стратегическая концепция» НАТО подчеркивает необходимость выполнения договорных обязательств по сокращению вооружений, но одновременно осуществляет курс на «смягчение» напряженности в мире «с позиции силы». Это право НАТО и США уже реализовывали путем нанесения авиационных и ракетных ударов по сербским объектам в Боснии, а также в Ираке, где понесли большие потери не столько вооруженные силы, сколько мирное население. **Анализ деятельности западных государств в «горячих точках» земного шара свидетельствует о явном или скрытом вмешательстве в дела противоборствующих сторон, а не о поисках путей разрешения конфликтов мирными средствами. Руководство США и НАТО достаточно умело использует излишнюю доверчивость и просчеты российской дипломатии, подчас не способной рассмотреть за ведущимися политическими играми глубокое проникновение их в экономику тех или иных регионов в ущерб национальным интересам России.**

□ *На каких условиях возможна ратификация Договора СНВ-2?*

По мнению бывшего Председателя Комитета по экономической политике Государственной Думы, а ныне первого вице-преьера правительства РФ Юрия Маслюкова, ратификация Договора СНВ-2 возможна при выполнении трех блоков условий, хотя они и не бесспорны.

Во-первых, следует зафиксировать, что СНВ-2 может вступить в силу после подписания рамочного соглашения по СНВ-3. В этом соглашении должен быть решен вопрос о нулевом «возвратном потенциале» стратегических сил сторон. Если с рамках СНВ-2 эта проблема обойдена, что

привело к тому, что США вместо реальных сокращений лишь имитируют разоружение, то в формате СНВ-3 следует четко оговорить, что все сокращаемые боеголовки должны быть демонтированы в согласованные сроки.

Во-вторых, в интересах прекращения процесса деградации стратегических ядерных сил следует указать, что СНВ-2 вступает в силу лишь после принятия особого федерального закона «О финансовом обеспечении программы развития СЯС и обеспечивающих систем (ССБУ, СПРН, военного космоса) на период до 2005 (или 2010) г.». В законе необходимо указать минимально допустимые объемы ежегодного финансирования работ в сфере СЯС и обеспечивающих систем (при которых возможно обеспечить ядерное сдерживание и управляемость СЯС), «защитить» соответствующие статьи в бюджете, запретить проведение секвестров в данной области.

В-третьих, необходимо зафиксировать право России на немедленный выход из соглашений об СНВ в случае аннулирования или обхода бессрочного Договора по ПРО 1972 г. Одновременно следует превентивно запланировать выделе-

ние необходимых финансовых ресурсов на проведение трансформации РК «Тополь-М» в ракету с разделяющимися боеголовками индивидуального наведения (с 3—5 боеголовками). О возможности подобной трансформации официально объявило руководство Минобороны. Представляется целесообразным выбор варианта, предусматривающего ратификацию СНВ-2 с оговоркой, что он вступит в силу только при выполнении перечисленных трех блоков условий и самое важное, принятия на законодательном уровне мер по предотвращению дальнейшей деградации СЯС. При этом, соответствующее законодательное обеспечение следует поручить подготовить правительству с участием представителей Федерального Собрания и принять его в предельно сжатые сроки.

Юрий Маслюков прямо указывает, что в настоящих условиях речь должна идти не о том хорош или плох Договор СНВ-2, а о том как остановить деградацию СЯС и обеспечить поддержание хотя бы минимального ядерного баланса между Россией и США, какие практические шаги необходимо для этого предпринять.

8. О соотношении Договора СНВ-2 и Военной доктрины Российской Федерации

Подготовка и подписание Договора СНВ-2 происходили в тот период, когда Российская Федерация не имела официальной концепции национальной безопасности, не говоря уже о военной доктрине, которая по логике вещей должна соответствовать ее требованиям. Поскольку в процессе выполнения положений Договора потребуются радикальное сокращение стратегических наступательных вооружений, но с неперемным условием соответствия таких мер требованиям обеспечения военной безопасности и экономическим возможностям страны, то без наличия принятой на государственном уровне военной доктрины, в которой бы были изложены основные взгляды на характер возможной войны по защите Отечества, требования к военному строительству, особенно к Вооруженным Силам, их организационной структуре, вооружению, численности и дислокации, реально решить проблемы, вытекающие из этого Договора довольно сложно.

До ратификации Договора СНВ-2 было необходимо завершить разработку основ военной доктрины государства, отвечающей реальностям современного периода. Однако этого сделать не удалось.

Суждения о необходимости разработки новой военной доктрины основываются на требованиях учета в ней событий, происходящих за последние 7—8 лет, в течение которых все четче просматриваются факты, свидетельствующие о начале нового передела сфер влияния, передела мира. Это подтверждается усилением интеграционных процессов в Центральной и Западной Европе, выходом на политическую арену ряда новых суверенных государств Европы, Азии, Ближнего и Среднего Востока, что обостряет ряд проблем. Политический и экономический кризисы в таких странах вызывают кровопролитные конфликты и гражданские войны. Есть основания считать, что подобного рода процессы сохранятся и в будущем. Они могут сопровождаться обменом территориями, пересмотром существующих границ, непредсказуемостью политических процессов на континентах и в отдельных регионах.

В сегодняшней геополитической обстановке изменяется политика ведущих государств мира, роль и место существующих и потенциальных военно-политических союзов.

В военно-стратегическом плане на Западе рассматривают возможность развития нескольких направлений строительства системы безопасности в начале XXI века, в том числе:

- **путем создания военно-политических блоков и союзов; дальнейшего усиления НАТО и переноса его влияния на политику и экономику не только в Европе, но и в других регионах мира;**
- создание в Западной Европе многонациональных соединений и объединений Вооруженных Сил европейского союза;
- создание системы коллективной безопасности с включением новых государств, образовавшихся после развала СССР, а также формирование взаимодополняющих институтов безопасности.

Во внешнеполитических действиях США можно отметить следующие приоритетные меры по обеспечению своих национальных интересов. Это прежде всего: расширение НАТО за счет Центральных, Восточноевропейских и Прибалтийских стран, что обеспечит выход вооруженных сил этого блока в непосредственное соприкосновение с Россией; более активное вовлечение Германии в процессы обеспечения стабильности на Европейском континенте; сохранение существующих и формирование новых связей США со странами Европы, Ближнего Востока, Африки и др., вне блока НАТО; усиление внимания к зарождающемуся глобальному исламскому фундаментализму.

Нельзя также не заметить политических тенденций объединенной Европы к полному подчинению государств континента альянсу, усилению влияния на страны Ближнего Востока, на некоторые государства СНГ; вытеснению третьих стран из этих регионов в интересах достижения преимуществ контроля над добычей нефти и эксплуатацией других сырьевых ресурсов.

Одной из главных целей объединенной Европы становится подчинение политики и экономики России новому западному союзу, недопущение усиления российских Вооруженных Сил, обладающих высокой боеспособностью, особенно оснащения их современным оружием и военной техникой.

Кроме сказанного выше, при разработке военной доктрины было бы целесообразным учитывать и то обстоятельство, что **националистическая политика и откровенный экстремизм руко-**

Объединенная Европа стремится подчинить экономику и политику России новому Западному союзу, не допустить возрождения ее военной мощи.

водства ряда стран ближнего зарубежья препятствуют объединению усилий в достижении важнейших внешнеполитических целей, интеграционным процессам, созданию системы коллективной безопасности стран СНГ.

Возвращаясь к проблеме принятия решения о ратификации Договора СНВ-2, считаем целесообразным учитывать ряд важных, на наш взгляд, военно-стратегических факторов.

Прежде всего России при решении вопросов обороны страны необходимо ориентироваться только на собственные силы, поскольку союзнические отношения такого уровня с другими государствами в ближайшей перспективе не просматриваются. Однако экономические возможности страны и уровень боеспособности Вооруженных Сил не позволяют сдерживать эвентуальные угрозы со стороны сильных в военном отношении государств и их коалиций. В то же время государства, которые были в относительной безопасности в биполярном мире, теперь вынуждены пересматривать свои доктринальные взгляды на обеспечение национальной безопасности. При этом, **государства, имеющие ядерные материалы и технологии, отводят ядерному оружию важное место в обеспечении национальной безопасности.** Поэтому одной из приоритетных задач России должно стать сохранение своего ядерного потенциала, разумеется, в разумных пределах.

Стратегические и тактические ядерные силы России должны быть в состоянии сдерживать угрозу развязывания агрессии и эскалацию военных конфликтов в крупномасштабную войну.

Кроме того, важно учитывать, что состояние сил общего назначения Российской Федерации в настоящее время с учетом обязательств и ограничений по Женевским соглашениям привело к тому, что доля стратегических ядерных сил в структуре военной мощи значительно возросла. Поэтому СЯС и ТЯО должны быть в состоянии сдерживать развязывание агрессии против России, а также эскалацию военных конфликтов в крупномасштабную войну.

С другой стороны, СЯС РФ должны выступать в качестве материальной основы во внешнеполитической деятельности руководства страны, направленной на утверждение своей роли в системе межгосударственных отношений.

Наши книги

«Войны эпохи Петра Великого»

(Военная история России XVII в.)

Книга «Войны эпохи Петра Великого (Военная история России в XVIII в.)» — вторая книга их четырехтомной серии учебных пособий по истории России от древнейших времен до настоящего времени - посвящена славной военной истории, когда Петр I с небывалой настойчивостью и энергией «прорубал» для России окно в Европу. Построив флот и сильную армию, сделав Россию великой, он завещал потомкам: «Ничто так не надлежит хранить, яко границы государства Российского».

Могучий ум и железная рука Петра I коснулись всего, чем жила тогда Россия, и подвергли ее жизнь глубоким преобразованиям. Они охватили и промышленность, и земледелие, и торговлю, и государственное устройство, и положение классов и социальных групп, и т.п. Страна совершила скачок от патриархальной отсталости к всестороннему развитию. Появились ростки светской духовной жизни: первая газета, первые профессиональные школы, первые типографии, первый музей, первая публичная библиотека, первые публичные театры. То было поистине великое дело Петра. Но начиналось оно преобразованием государственной обороны и главным двигателем его были военные походы.

Учебное пособие подготовлено к изданию.

Система БРПЛ	Количе- ство ПЛАРБ	Количе- ство носители	Число боеголо- вок но- сителей	Общее число боеголо- вок
СС-Н-6	12	192	1	192
СС-Н-17	1	12	1	12
СС-Н-8	18	216	1	64
СС-Н-8	4	64	1	64
СС-Н-18	14	224	3	672
СС-Н-23	7	112	4	448
СС-Н-20	6	120	10	1200
ИТОГО	62	940		2804

Система БРПЛ	Количе- ство ПЛАРБ	Количе- ство носители	Число боеголо- вок на носителя	Общее число боеголо- вок
Посейдон	12	192	10	19920
Трайидент-1	8	192	8	1536
Трайидент-1	12	192	8	1536
Трайидент-2	4	96	8	768
ИТОГО	36	672		5760

	США					
	НОСИТЕЛИ			БОЕЗАРЯДЫ		
	МБР	БРПЛ	ТБ	МБР	БРПЛ	ТБ
Количество	100	672	574	2450	5760	2353
Общее количество	2246			10563		
Доля, %	45	30	25	23	55	22

	СССР					
	Носители			Боезаряды		
	МБР	БРПЛ	ТБ	МБР	БРПЛ	ТБ
Количество	1398	940	162	6612	2804	855
Общее количество	2500			10271		
Доля, %	56	38	6	65	27	8

Виды СНВ	Варианты (по количеству боезарядов)		
	«Оптимистический»	«Умеренный»	«Пессемистический»
МБР	1100/33%	900/37%	600/32%
БРПЛ	1750/52%	1300/53%	1100/59%
ТБ	480/15%	250/10%	50/9%
ИТОГО	3300	2450	1850

СИСТЕМА БРПЛ	КОЛИЧЕСТВО ПЛАРБ	КОЛИЧЕСТВО НОСИТЕЛЕЙ	ЧИСЛО БОЕГОЛОВЕК НА НОСИТЕЛЕ	ОБЩЕЕ ЧИСЛО БОЕГОЛОВЕК
СС-Н-6	12	192	1	192
СС-Н-17	1	12	1	12
СС-Н-8	18	216	1	64
СС-Н-8	4	64	1	64
СС-Н-18	14	224	3	672
СС-Н-23	7	112	4	448
СС-Н-20	6	120	10	1200
ИТОГО	62	940		2804